

Денис Запиркин

**Сборник
рассказов.
Избранное**

Они действительно
начинают воплощаться

Денис Запиркин
Сборник рассказов.
Избранное. Они действительно
начинают воплощаться

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20584239
ISBN 9785448307775

Аннотация

О чем эта книга? А о чем обычно пишутся книги? О жизни, о любви, об отношениях, о том, без чего их не бывает, об эмоциях и о том, во что они порой превращаются. И, конечно, о творчестве и предназначении.

Содержание

Вводное слово	6
Благодарности	8
Отзывы	9
Мастер: Тайное общество хранителей текстов	13
И дым отчества нам будет сладок	21
Живые	21
Место	23
Мусорка	24
Кухня	26
Звонок	27
У главы района	29
На объекте	31
Наводнение. Оранжевое озеро	34
О спасении	48
Третий шар	54
Она прилетела	69
Перед входом	76
Глава 1. Перед входом	76
Глава 2. Вход	77
Глава 3. Первый бокал вина	78
Глава 4. Третий бокал вина	79
Глава 5. Вторая бутылка вина	80
Глава 6. Следующий бокал	81

Глава 7. Следующая бутылка вина	82
Глава 8. А здесь прикольно. Вам налить еще?	83
Глава 9. Как она прекрасна	84
Глава 10. Минералка	85
Глава 11. Ну ты скоро?	86
Глава 12. Да	87
Глава 13. Нет	88
Джейн	89
Глава 1	89
Глава 2	93
Глава 3	96
Глава 4	99
Глава 5	102
Глава 6	105
Глава 7	109
Глава 8	110
Глава 9	112
Глава 10	115
Хочу просыпаться рядом с тобой	116
Месть пингвина	123
Конец ознакомительного фрагмента.	132

**Сборник рассказов.
Избранное
Они действительно
начинают воплощаться
Денис Запиркин**

© Денис Запиркин, 2016

ISBN 978-5-4483-0777-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вводное слово

Всем привет!

Меня зовут Денис Запиркин.

У меня с детства была мечта написать художественную книгу. И вот, я сделал это несколько лет назад.

Перед вами сборник моих избранных рассказов, созданных в 2012—2016 годах, взятых из двух книг: «Осторожно, Эмоции!» и «Второй Сборник Рассказов». Эти рассказы были выбраны моими читателями и друзьями в ходе голосования в соцсетях и в моем блоге (http://dennis_cool.livejournal.com).

Пусть что-то здесь покажется вам странным, вызывающим или неинтересным, я готов к этому. Творческая сила и желание поделиться превыше сомнений.

Публикуя в разное время отдельные рассказы, я получал множество откликов, как позитивных, так и критических. И, тем не менее, я верю, что эти тексты найдут своего читателя и, возможно, почитателя, для которых произведения окажутся интересными, ценными, поучительными или даже помогут в жизни, в отношении к ней, в понимании ее, в новом

восприятии.

Надеюсь, мне удастся своими текстами разбудить в вас то, что поможет почувствовать жизнь ярче, сильнее и задуматься о чем-то новом.

Но еще раз сразу хочу предупредить:

- 1) 18+, только для взрослых,
- 2) рассказы очень разные,
- 3) осторожно: много эмоций.

Уверен, к вам придет много мыслей, и вы испытаете много чувств, поэтому пишите мне ваши отзывы и предложения в фейсбуке (меня легко найти) или на адрес denis.zapirkin@gmail.com

Удачи!

Благодарности

Хочу выразить особую благодарность за поддержку и вдохновение

1) Ксении Смоленко, которая с самого начала больше всех верила,

2) Ольге Вереск, Наталии и Елене Лебедковым, Ксении Коленковой, которые больше всех помогали, и

3) моей маме, которая больше всех критиковала...

ОТЗЫВЫ

Как первый, так и второй сборники моих рассказов, из которых получилась эта книга, нашли массу отзывов. Вот некоторые из них.

«Должна сказать, что эта книга нравится мне больше предыдущей. Как нотки свежего весеннего ветра звучат темы и „подтекстовые“ намеки на лучшую жизнь, на развитие, счастье..»

«Мне кошмары всю ночь снились...»

«Кинговщина!»

«Пишите, ваш талант переживет.. мои придирки;)»

«Знаешь, Денис, что самое замечательное? То что.. рассказы очень разнообразные, всех мыслимых жанров. Это очень здорово))»

«Почти сразу прочел Вашу книгу, но никак не решался написать Вам. Казалось, что мой отзыв может быть похож на лесть. Понравилось. Мистично и чувственно. Поздравляю Вас с художественной книгой! Успехов Вам! Вы очень креативный человек!»

«Я восхищен сюжетом про Иуду. Люблю Мастера

и Маргариту и Ваше произведение как раз в точку!! Тысячи писателей и сказателей одинаково обыгрывали библейский сюжет с однозначно навешенными ярлыками и ролями на каждого – и тут вдруг все по другому – предназначение!»

«Это круто и незабываемо!»

«Касательно остальных, особенно любовно-грустных, как мне показалось, произведений – мне многое было близко...»

«Пишу поделиться впечатлениями о книге. В целом мне понравилось! Интересно, что собраны разные по стилю рассказы. Понравился рассказ Исповедь Иуды – не обычное видение, хотя мне кажется часть беседы с Господом немного затянута. Рассказ про Степана Белова тоже понравился, своей развязкой и описанием быта. Тронул рассказ „О спасении“. Из серии женских рассказов в памяти отложился рассказ Джейн. Ну и в номинации „Интересные по содержанию“ побеждают „Любитель насекомых“ и „abort, retry, ignore“.»

«Не все, но наверно процентов 30 рассказов меня заставили задуматься или дали что-то новое.»

«Впечатления неоднозначные, прямо скажу. Фантазия у тебя, конечно, это что-то)) Связать

наводнение с инопланетянами – это не каждому дано) Но, кстати, в том рассказе отлично передано настроение. Если говорить в целом о всем сборнике – сырость, жара, духота, лето, осень, воздух, свет, тишина, белый цвет – однозначно удались)) К тому же ты очень наблюдателен (надеюсь, твоих знакомых это не пугает), а точность изображения, узнаваемость ситуаций – это то, что находит отклик у читателя: „А, да-да, точно-точно“, – говорит он, и в его голове всплывают всякие воспоминания.»

«Юмор... Это классно)))»

«Неожиданные концовки. Чисто твои стилистические приемы, речевые обороты. Короткие рассказы понравились. Все четко, емко и необычно. тут есть о чем подумать.»

«ну накрыл меня твой рассказ))) Была удивлена, я не думала об этом, но всё кажется таким реальным)»

«Люди такой стадии зрелости – большая редкость в нашей стране и каждый из них на вес золота. Мне наблюдать за ростом этих побегов – огромное внутреннее удовольствие и практическая польза. Ведь похожие процессы идут и у меня внутри. Рассказы увлекают... Трагические развязки – прелесть)))»

«Во многих рассказах часто попадаешь в точку)»

много моментов, где и я так думаю, и у меня такое было)»

«Огонь, местами Пожар!»

«Это не литература, это жизнь»

«абсолютный пожар в стиле современного апокалипсиса..»

«Огонь. Так оно и есть.»

«Читается на одном дыхании.»

«этот рассказ можно смело вкладывать в учебник психологии...»

«ужасает своей правдивой печальностью (»

«Это хит», «отличный детектив!»

«Захватывающий рассказ!»

«Вообще, очень классная тема поднята.»

и так далее.

Мастер: Тайное общество хранителей текстов

профессор сидел в темной комнате, склонившись у стола под лампой. картина выглядела зловеще.

легкий дымок поднимался из-под его рук, наматываясь клубами под абажуром и невидимо растворялся запахом в темноте.

он жестом показал на диван.

я сел на границе света и тьмы.

так же, как сидел он. черный халат и руки на свету. скрытое сумраком лицо.

он молча отложил дела, отодвинув от себя, и взял мой новый рассказ.

я пытался разглядеть эмоции на его лице.

а он красным карандашом черкал по моим буквам.

когда он закончил, он выдохнул и повернулся ко мне.

мы смотрели друг на друга, прикрытые сумраком ночной комнаты, но удавалось видеть лишь отблески сияния. искры блеска моего страстного интереса. и лучики его безумных слезящихся, желтых от спирта и никотина, глаз.

он сделал долгую паузу, откашлялся с мокротой, прикрывая рот большими усталыми пальцами, снова посмотрел на меня и начал говорить...

– что ты собираешься с этим делать дальше?

ну как, я собирался посмотреть на его правки, скорее всего, все учесть, а потом... просто запостить в блог, а что еще?

но я, как и всегда в общении с ним, чувствовал, что ожидается совсем другое.

большие напольные часы в соседней комнате пробили четверть часа бархатным приглушенным звоном.

– я буду писать дальше, – ответил я.

скорее интуитивно, чем явно, я почувствовал его пристальный взгляд. нужен другой ответ.

– да, это правда, – продолжил я. – я хочу творить. и, несмотря на критику, я буду это делать. я просто не могу иначе.

– ты уже получил массу критики на прошлые тексты? – он неотрывно смотрел на меня.

– да... да.

– и ты уже потерял друзей и понимаешь, сколько из них отвернулось от тебя?

он встал и начал ходить по комнате, сложив руки за спиной, полностью погрузившись в сумрак, иногда наступая на границу круга света и делая разворот.

я опустил голову. то ли от своих мыслей. то ли замороженно наблюдая за его шагами.

– да, я понимаю. мне, конечно, хотелось бы другого, но я уже принял, что это часть процесса. разве не вы говорили

мне об этом в первый раз?

я не мог не быть искренним с ним.

иногда мне хотелось проговорить с ним всю ночь, но он не давал мне. то, в самый неподходящий момент, на самом пике моих эмоций, он прерывал разговор и отправлял меня домой. то ссылался на дела. то впадал в состояние, когда я понимал, что лучше будет откланяться.

но мне очень важно было хотя бы раз выложить ему все. все. все-все-все, что меня волнует, чего я хочу, о чем я мечтаю, что еще не готов и не могу высказать, — даже это.

ни с кем мне не хотелось вывернуть себя наизнанку и увидеть реакцию, услышать, что мне делать дальше и не бояться слов о том, куда это может привести.

он внезапно остановился, взял со стола трубку, обстучал, набил и, стоя, закурил.

до меня дошел приятный аромат, и кольца сизо-голубого дыма стали клубиться в свете лампы.

не понимаю почему, не понимаю, как это у него получается, но каждый раз он вгоняет меня в транс.

да, я слышу, я стараюсь запоминать, не могу записывать. потому что если оторвусь, то отвлекусь, и потеряю массу важного, а мне каждое его слово как книга древних мудрецов...

он, распаляясь, говорил мне, ссылаясь на Аристотеля и Еврипида, сверкая Пушкиным и Достоевским, кроя Дик-

кенсом и Гюго.

дрожащий и накапливающий волнами его тембр то скрипел, то хрипел сквозь кашель, то дребезжал несмазанными петлями потайных дверей глубокого подземелья первозданной мудрости, то опускался до низких вибраций всемирного океана, то отправлял меня в пустоту, полную звуков звезд и планет...

я видел людей, сцены, сценарии, конфликты, трагедии и пути к счастью, модели преодоления, взрывы воли и со-скальзывания в пропасти безвозвратной трансформации, крушения гранитных замков, осязая хруст их стен, ломку стереотипов и треск непримиримых правд, звенящих колоколами логики и горящих в водопадах эмоций...

я набирался, поглощал, впитывал, становился, преображался, очищался и обновлялся, чувствуя, как где-то внутри стекает черная смола надуманных стереотипов и социально навязанного страха, как свет входит в мое еще мутное и полупрозрачное, но очищающееся естество...

неожиданно все стихло. щелкнул замок входной двери.

– дорогой, я дома.

в волшебный таинственный древний как мир дворец
вплыла его жена.

он зажег свет в комнате.

витающая в воздухе магия замерла и одним махом обрушилась на пол. ее брызги разлетелись по всей мебели, попа-

ли на стопки книг, стоящие на полу, на пианино, залились лужами под стол и диван..

— как дела? — она заглянула из коридора в комнату, увидела меня и улыбнулась своей полной улыбкой, растянув третий подбородок, опутанный линиями цветных бус.

лужи мгновенно впитались в паркет.

я поздоровался.

повисла тишина.

— все хорошо, дорогая, — проямлил он, ссутулившись, как будто извиняясь за что-то. раздавил папиросу в хрустальной пепельнице. потер подбородок, припоминая, на чем остановился, поднял руку с указательным пальцем, посмотрел на меня, подошел к столу, двумя руками постучал по стопке моих бумаг, сравнивал их, секунду посмотрел на них в раздумье, и протянул мне.

— дерзайте, коллега!

дом преобразился сильным сладким запахом ее духов. по квартире ярко загорелся электрический свет. ее большое тело настроило на распространяющийся по соседним квартирам аромат плотного сытного ужина. мир заполнился живой реальностью.

я откланялся, отказавшись от ужина и еще посидеть, вышел в коридор. зажав под мышкой рукопись, нагнувшись, натянул ботинки, помогая пальцем пятке, больно прищемил

нежную кожу у ногтя, засунул палец между губ, зализывая кровь слюной. уронил бумаги на пол, бросился их поднимать, опережая ее желание подмести их шваброй в большой переносной совок с высокой ручкой, перемешал страницы, скомкав, чтобы снова не рассыпать.

за большой женщиной, занимавшей коридор, представлявшей всю стабильность и непоколебимость мира, стоял мой профессор. на его бледно-желтом лице с падающими на лоб редкими седыми волосами застыла покорная, сладковатая улыбка, будто он знал, что она даже затылком видит его.

– ну что же, – пробасила она, – проводи нашего гостя, раз он уходит... а, может, все-таки останетесь на ужин? – еще раз вежливо и радушно предложила она.

– нет-нет, спасибо, мне и правда пора, – пролепетал я. так часто в ее присутствии у меня почему-то терялся и становился слабым голос.

– приходите еще, не забывайте нас, – она снова улыбнулась своей громадой и поплыла в сторону кухни.

в коридоре остались мы с профессором.

я щелкнул замком, открыл дверь и повернулся к нему с порога.

мы молча посмотрели друг другу в глаза.

он покорно вздохнул, опустил плечи, под желтыми белками глаз полукругами серели темные морщинистые мешки.

– я еще зайду, – сказал я.

и на секунду увидел сверкнувшие мне навстречу пару зарниц с гроыхающими молниями.

я шагал по лестнице к себе. можно было сесть в лифт, но мне было нужно пройти сейчас пешком несколько этажей.

я думал о тысяче вещей одновременно. они шумели и грохотали в моей голове, как шторм с сотнями торнадо, поднимавших и перемалывавших на своем пути все, что плохо стояло, лежало или не было надежно закреплено, пылесоса мой мозг, унося в далекие дали все лишнее, оставляя лишь пустую, готовую плодоносить почву моего мозга.

а еще я думал о критиках и неблагодарных комментаторах, о недобрых словах, явно и неявно призванных погасить мое творчество, о людях, подобных жене профессора, которым нужно совсем другое, чем мне...

и я знал.

я твердо знал, что я буду работать и творить. и что напишу еще. напишу много. не все это будет прекрасным.

но если мне удастся помочь хотя бы одному человеку, изменить к лучшему хотя бы одну судьбу, зацепив ее своими словами, я буду непременно счастлив...

– пусть даже и никогда не узнаю об этом, – зачем-то сказал я вслух, открывая свою дверь.

мне с силой бросился в лицо сырой холодный воздух

от влажных камней стен, вдоль коридора капали смолой факелы, а там, в моей зале, сотней свечей сверкала люстра, придавая гобеленам легкое движение, будто изображенное на них было живым...

капнув воском, я поставил подсвечник на стол, с деревянным скрипом придвинул массивное кресло, поправил медвежью шкуру поудобней, разложил листы, обмакнул перо и принялся дальше за работу.

И дым отечества нам будет сладок

Живые

Степан Белов смотрел себе под ноги. Он шагал по свежей борозде, которую поднимал и закручивал плуг. Запах свежей земли пьянил его. Через пару проходов можно заканчивать. Он присвистнул лошади, и она, вся в мыле, сама чувствуя приближение перерыва, сделала новое усилие, потянув дальше.

Закончив пахоту, Степан похлопал лошадь по загривку, сказал ей несколько ободряющих слов.

Они вернулись в деревню под вечер, усталые, но довольные. Завтра можно начинать сев.

Проходя по улице, он чувствовал смесь сотен запахов. Никакие годы не вырабатывают привычку к ним. Здесь пахнет пирогами, которые пекут соседи по левой стороне. Тут другой сосед вышел покормить кур и уток, которые с шумом и кокотанием, помогая себе крыльями, кинулись к кормушке, расталкивая друг друга. Сквозь ворота справа Степан видел, как подростки разжигают самовар, и дым сухих лучин пробивался из-под сапога, которым они раздували щепки.

Пахло коровами, лошадьми, сеном и многим-многим другим. Таким родным и привычным.

Ему казалось, что так было всегда, по какому-то издревле заведенному правилу, так есть, и так будет, когда не станет ни его, ни его родных. Но деревня будет жить. Будут рождаться дети. Будут птицы, будет скот, молоко, сено, будет пашня и будет это всегда, по своему извечному кругу. Развиваться и существовать.

Просто, мирно, трудно, с усталостью до боли в спине и ногах, с потом и жарой. И с таким радостным чувством, что работа сделана, что тебя ждут дома, и что завтра снова, а потом опять, и так всю жизнь.

В конце улицы кто-то, устроившись на лавочке, затянул на гармошке.

Степан подходил к своим воротам. Сейчас он распряжет лошадь, отведет ее в стойло, огромными ручищами даст ей пару охапок сена, насыплет овса и нальет воды. Потом умоется и зайдет в дом, где его ждут жена и дети. Они сядут ужинать, и будут разговаривать о том, как завтра начнут сеять.

Место

Это был пригорок. Местами росли отдельные деревья. В основном, березы и клены. Поодаль, в низине, протекала небольшая речка. Ветер шелестел в листве. Было тихо и спокойно. Покой распространялся на всю округу. Сюда редко приходили люди в последние годы. Так что начинали прорастать новые молодые деревца, шуршал сухостой от многолетней травы. Ковер неубранной запревшей листвы покрывал землю. С северной стороны полукругом рос лес, с другой стороны – заброшенные поля и одинокая ферма. Когда-то там была колхозная земля, но сейчас там никто ничего не делал.

А на пригорке стояли каменные плиты с нечитаемыми от старости фамилиями, именами и цифрами, местами – железные оградки с давно шелушащейся краской, проржавевшие кресты, на которых надписи стерлись от ветра и дождя.

Кладбищу была уже вторая сотня лет. Но здесь уже давно никого не хоронили. Потому что деревни вокруг вымерли. А родственники, те, что не спились в соседнем городе, уехали на заработки в Москву, осели там, обзавелись жильем и семьями, и им было некогда. А потом и совсем...

Мусорка

Иван вышел из квартиры на лестницу. Прикрыл за собой дверь, держа в руке помойное ведро. Прошел полпролета к мусоропроводу. Железная крышка открылась со скрипом, и на него пахнуло летней вонью снизу. Он зафиксировал крышку, приподнял ведро и начал вытягивать содержимое. Вниз полетел пластик, полиэтилен, потом пронеслись арбузные корки, в конце со дна потекла жижа, смешивая прелый арбузный сок с остатками кефира, разлившимися из поллитрового бумажного пакета. Вся эта муть капала на крышку, а когда он потряс ведро, то и на кафельный пол. Кислый запах обдавал его, смешиваясь с духом из отверстия, вытягиваемым в открытую фрамугу.

Закончив дело, он оставил ведро, громко царапнув железом по кафелю пола. Пробурчав что-то себе под нос, он достал из кармана спортивных штанов смятую пачку, выковырял оттуда зубами за фильтр сигарету, и прикурил, выдувая дым в оконную щель.

Быстро и не задумываясь, сделал несколько затяжек, снова открыл крышку мусоропровода, бросил в темноту окурков, засверкавший рассыпающимися красными искрами, сочно плюнул туда же. Вытер с подбородка остатки, и, матерясь себе под нос, подхватил ведро с остатками жижи, стекавшей по стенкам, побрел, шурша тапочками по каждой ступеньке,

вверх.

Его лицо с небритой щетиной выражало злобу и усталость.

Уже две недели он сидел без работы. По этому случаю регулярно пилила жена. А его друзья разъехались по деревням на строительные заказы.

Он открыл дверь квартиры, щелкнул пол-оборота замком, пронес пахучее ведро на кухню, поставил его между раковиной и женой, и молча прошел в комнату.

Кухня

– Эй, Белов, помыл бы хоть руки! – жена в переднике стояла у плиты, помешивая что-то сразу на трех конфорках, жарко шкворчащее и сильно испаряющееся к потолку.

Она взглянула в ведро, потом ему в след на тельняшку, и, накапливая злобу для крика, громко вздохнула. В таком настроении она часто называла его по фамилии, он уже привык.

Спиной чувствуя взгляд, он прошел в темный коридор. Потом сделал паузу на несколько секунд, щелкнул выключателем санузла, и быстро сполоснул большие мозолистые руки, вытерев их одним движением о мокрое старое полотенце.

Проходя через темный коридор в комнату, он мельком покосился в сторону кухни, убедившись, что жена его не видит.

Пользуясь возможностью, он направился в комнату, открыл шкаф для белья, глубоко порывшись рукой, и достал початую «путинку». Быстро, озираясь в проем двери, он сделал пару теплых глотков, на втором поперхнулся, часть пошла в нос, часть прыснула сквозь губы, он задержал дыхание, и заставил себя закончить глоток.

Одной рукой он убрал бутылку обратно, другой вытер рот. В животе начало теплеть. Скоро изменится настроение.

Звонок

В коридоре и в комнате зазвонил телефон. Он занюхал порывом сквозняка, принесшим из кухни смесь тушеной капусты и борща. На пятом гудке раздался крик:

– Вань, ну ты возьмишь трубку? Видишь же, у меня руки заняты?

– Это опять твоя мать звонит, нутром чую, не буду я брать! – в ответ крикнул он, почувствовав как в нутре налаживается жизнь.

Еще два звонка. Он почувствовал, что не прав, пробурчал про себя что-то в духе «черти принесли» и «старая мымра», подошел и поднял трубку.

– Степаныч? Алле? – на том конце кричал его старый бригадир, который пропадал пару месяцев где-то в подмосковье. – Алле? А..?

– Да.. Хм. – Иван громко прочистил горло прямо в трубку, пахнущую старыми болезнями и табачными смолами десятилетней давности, – Василич? Ё-мое! Привет!

В душе с теплом от выпивки появилось тепло надежды на новую подработку.

– Как ты? Нормально? – Василич продолжал кричать, так что Ивану пришлось отнести трубку на расстояние от уха.

– Да, все путем, – медленно протянул он.

«Когда ты уже перейдешь к делу, черт бы тебя побрал?», –

добавил про себя Иван.

– Ну отлично! Чё, как, работаешь?, – Василич продолжал тянуть резину, хотя премудростям разговора в университетах не обучался.

– Не-а... – Иван начинал злиться, потому что прекрасно понимал издевательство единственного работодателя.

– Короче... это.. тут халтурка есть, – наконец разродился прораб, – как раз по твоей части. Пойдешь? Нужен бульдозерист на неделю. Платят нормально. Что скажешь?

Иван уже захмелел, и туго соображал: либо согласиться сразу, либо слегка повыпендриваться, чтобы набить цену и послушать, как Василич будет уговаривать. Но разум и пустота в кошельке взяли свое, и правильное решение пришло быстро.

– Да, давай. Чего-где?

У главы района

Человек в дорогом сером костюме и белой отглаженной рубашке долго рассказывал про объект, про генплан, про согласования и разрешения, про то, какое это будет строительство, сколько, чего и как.

Глава района из последних сил делал вид, что он что-то слышит и что-то понимает.

Вчерашняя баня не прошла даром для здоровья, и сегодня страшно болела голова. Он бы устроил выходной, если бы не эти дельцы со своей стройкой и московскими деньгами.

Сидя в кожаном кресле, он безбожно потел, вытирая пот носовым платком с лысины, висков и всех своих подбородков.

В какой-то момент пришлось поддакивать, и он закивал, наливая себе в стакан минералку и снова истекая потом. Кивание не добавило счастья, а только еще больше усилило похмельную боль.

Ему уже давно опостытели эти девелоперы со своей строгостью, проверками и четкими схемами. Все уже было сто лет как понятно. Он знал, что и где нужно подписать, кому позвонить, на кого надавить и кому пригрозить.

Перспективный участок не требовал многих согласований. Там не было стратегических строений. Не проходила железная дорога или федеральная трасса, там не нужно было

разруливать вопросы с собственником, короче все на мази.

И все равно эти чистоплюи в дорогих костюмах на блестящих машинах, продолжали минимизировать свои риски.

На какое-то мгновение он поплыл в своих мыслях, картинка стала глухой и размытой.

Наконец, он услышал:

— ..и подпись нужно поставить здесь и здесь.

С тоской покосившись на пустую бутылку минералки, он взял протянутую ручку, и молча расписался, где ему показали. Отодвинул бумаги от себя, и уставился в окно, откуда безжалостно били свет и жара.

Ему было все равно, что ему говорят в благодарность, как собирает и упаковывает бумаги серый костюм, и что вообще там дальше будет на этом участке.

Его уже давно убедили. Аргументами и деньгами.

А теперь пусть скорее убираются ко всем чертям.

Поскорей бы прошла головная боль, потому что к запаху перегара он уже давно привык.

На объекте

Пропахший бензином и выхлопными газами пазик тащился по ухабам. Было жарко. В открытые окна и в лючки на потолке изредка задувал горячий ветер, который еще больше укачивал и не прибавлял избавления от духоты.

Василич сидел ближе к водителю, Иван – несколькими рядами дальше. Они тряслись молча. Все, что нужно, бригадир уже рассказал. Так что говорить было не о чем. Что, халтура – она и есть халтура. Поскорей бы закончить и получить деньги.

Объект был на пригорке. Точнее, объекта еще не было. Это была площадка пара сотен на пару сотен метров.

Автобус остановился.

Открываясь, скрипнула пассажирская дверь. Двигатель резко заглох, оставив машину на передаче, как это делают старые опытные водители, ни разу в жизни не пользующиеся ручным тормозом для надежности.

Недалеко возилась бригада молдаван, сворачивающих болгарки, заканчивая резать какие-то металлические рамы и уголки.

Крановщик сидя курил на груде бетонных и мраморных плит разного размера, сплевывая себе под ноги. Похоже, они прибыли вовремя: эти уже закончили свою часть работы, расчистив поляну для бульдозера. Несколько гор речного

песка были ссыпаны поодаль: это работа для Ивана.

Собственно, халтура так себе: едешь туда-сюда, разравнивая площадку, трамбуя и разглаживая песок.

Ивану всегда эта часть работы казалась бессмысленной: придут строители и все-равно будут здесь копать. Но то ли для освоения денег, то ли для красоты перед комиссией, кому-то это нужно было сделать, чтобы сдать свою часть цикла.

Хотя, какая разница, есть в этом толк или нет, – он сделает свою работу, получит деньги, принесет их домой, и можно будет протянуть еще пару недель. До следующей работы. Только бы Василич уважил, не забыл.

Бригадир пошел покричать на молдаван.

Иван похлопал себя по карманам, достал пачку. Зажигалка куда-то подевалась. Не страшно. Он направился в сторону крана, – там и прикурить дадут, и поговорить можно. Начинать работу сразу – неправильная традиция, считал Иван.

Подойдя к угрюмому и ленивому от жары крановщику, он взял без слов протянутую зажигалку и стал думать, с чего же начать разговор.

В поисках темы Иван осмотрелся по сторонам, планируя начать беседу с работником о его работе.

И тут, несмотря на жару, ему стало зябко и как-то не по себе.

Плиты, на которых сидел крановщик, были надгробными.

И прямо под ногами сидевшего на них человека на одной из серых поверхностей размыто, но все еще разборчиво, чи-

талось «Беловы».

Наводнение. Оранжевое озеро

дождь шел две недели подряд. непонятно, откуда в небе взялось столько воды.

сначала сухая земля намокла и хорошенько пропиталась. потом выросли лужи. потом лужи превратились в сплошной водяной покров. канализация отказалась справляться в первые дни, и в низких улицах машины проезжали, оставляя огромные крылья воды, постепенно превратившиеся в волны, скрывающие колеса полностью.

сначала официальные каналы говорили о чем-то типа, что все под контролем. потом появились новости о затопленных домах в пригороде. в конце второй недели прибыли МЧС и военные, активно строя дамбы из песочных мешков и расхаживая по домам, раздавая бумажки с предупреждениями и описанием процесса возможной эвакуации.

жизнь в городе не прекращалась. люди продолжали ходить на работу, в гости и по делам. хотя, в итоге, когда сапоги перестали спасать, на некоторых предприятиях объявили каникулы и отправили людей в неоплачиваемые отпуска.

детям, веселящимся в лужах, со временем надоело плескаться и кидать камни в воду, расхаживая по колено в разноцветных резиновых сапожках, и по приказу родителей они засели по домам, читать книжки, сидеть в интернете и играть в игры.

в начале третьей недели к нам в дверь позвонила комиссия из участкового, представителей ЖКХ и МЧС, и сообщила, что начинается эвакуация: уровень воды достиг критических отметок, и скоро начнет реально топить дома.

кто-то протестовал, кто-то остался, объявив о запасах макарон, гречки, тушенки и свечей, ну а мы собрали документы и ценные вещи в пару спортивных сумок и рюкзаков, добавив несколько комплектов белья, в назначенное время вышли к подъезду и, прыгая по деревянным помостам от подтопленной лестницы в подъезде до Икаруса, сели, отправившись в «зону спасения», называемой как-то типа «лагерь эвакуации».

никто не говорил, куда именно нас везут. скорее всего, водитель получал разнарядку по ходу движения от офицера, говорящего по сотовому.

местами мы видели, как автобус просто плывет, оставляя за собой клин большой волны, погружаясь на полметра в сплошной поток темной серой воды.

интересно и забавно было наблюдать за таким непривычным городом. вот центральная площадь, полностью скрытая под метровым слоем воды, волнами омывающей памятник Ленину, вот вокзал, где поезда стоят, уйдя колесами под воду на уровне перрона, вот парк, плавающий в темной бескрайней коричневой луже, как в книжках про разлив. все это выглядело интересно и забавно, потому что казалось не только непривычным, но и каким-то нереальным.

автобус плыл по направлению из города, в сторону пригорья. дорога была однообразной, небо серым, и многие задремали от монотонного шелеста дождя по крыше и от крупных капель, стекавших по окнам, срезаемых усыпляюще однообразным движением и скрипом дворников по лобовому стеклу.

водитель не мог разогнаться. мы ехали более двух часов. пейзаж вокруг был унылым, серым от неба и темнозеленым от смешанного леса по обеим сторонам дороги. давно закончились утопающие по пояс безлюдные деревни. время от времени мы видели мокрых по грудь оленей, вышедших на дорогу из леса, и удивленно наблюдавших за чередой эвакуационной колонны, без надежды на транспортировку, оставленных на произвол судьбы.

я проснулся за полчаса до прибытия. протер рукавом запотевшее окно и стал смотреть, тупо уставившись сквозь дождь. мы никогда не ездили в этом направлении. ни за грибами, ни на рыбалку сюда не было шансов отправиться за все время, потому что куда ни плюнь, – бетонный забор или колючая проволока военных частей и секретных предприятий, то ли химических, то ли бактериологических, то ли ядерных, – слухов много, но, по большому счету, до сих пор никто не знал, что там делали и все такое.

на пару секунд мне бросилась в глаза большая тарелка то ли сотовой связи, то ли космической, то ли радар. потом за высокими соснами мне показалось несколько полоса-

тых высоких труб какого-то завода. несколько раз я видел затопленные съезды с дороги в лес со шлагбаумами и будками, в которых скрывались худенькие сгорбленные солдатики в плащ-палатках. кто-то из них смотрел на нас, кто-то, кому наскучили эвакуационные автобусные колонны, — горбато склонился над книжкой, не обращая внимания на сонных зрителей.

похоже, скоро прибываем. по салону началось движение. офицер, сопровождавший автобус, начал сверяться по телефону и радиии с руководством, давая инструкции усталому водителю, молча кивавшему в ответ головой.

насколько я понял, мы прибыли в район холмистой возвышенности в паре десятков километров от пригорья. лагерь размещался в стороне от дороги, метров на 800. возможно, на этих возвышенностях, представлявших собой большие травянистые поляны среди дикого леса, в обычное время устраивали дикие кемпинги и стоянки любители охоты, рыбалки и свежего воздуха.

собственно, лагерь как лагерь: длинные военные палатки, или как они там называются, типа бараки под брезентом, пара полевых кухонь, из которых валил дымок, смешанный с паром, заставивший даже без запаха изойти слюной по гречке с тушенкой и сладкому чаю с серым хлебом.

мы были не первые. народ разгуливал по поляне, кто-то сидел у палатки на свежесрубленных козлах или просто частично отесанных бревенчатых скамейках. местами была су-

ета, местами народ уже обживался, привыкая к обстановке. нас высадили и выгрузили в дальнем конце, куда автобус, порой буксуя по мокрой траве и глине, покачиваясь задом, медленно доехал в горку.

в отдалении стояла пара гусеничных самоходок со сновавшими вокруг них солдатами, готовыми зацепить и дернуть застрявшие в жиже автобусы.

нас расселили в палатку номер двадцать один. сложно назвать это палаткой, — это был длинный брезентовый ангар, в которых на сборах селят будущих лейтенантиков на сборах или солдатиков на учениях. внутри было влажно и душно. пахло потом и, почему-то, чем-то женским. палатка была не заселена, наверное, сюда должны привести еще пару автобусов нового пополнения эвакуируемых.

по номерам палаток можно было с точностью определить, что за контингент там проживает. были сильно потные деревенские. были с запахом дешевых дезодорантов городские. большинство людей сидели с зонтиками снаружи на бревнах, играя в шахматы, шашки, домино, прихваченные с собой, или в сыреющие под дождем карты.

обстановка была тихая и мрачная. на части занятых, окруженных чемоданами и рюкзаками раскладушек спали мужчины. женщины, традиционно кучкующиеся с оравами галдящих детей, сидели в несколько групп.

по вечерам перед отбоем включали дизельные и бензиновые душегубки, чтобы прогреть и просушить помеще-

ние, привлекающее теплом орды огромных кусачих комаров и мерзких мошек.

спать от их жужжания и попыток укусов было невозможно, но через пару ночей все привыкли, особенно когда закончились репелленты у интеллигентной и предусмотрительной части населения.

жизни, собственно, особой не было. гулять под дождем было мокро. сушилок для одежды на всех не хватало. о стирке не могло быть и речи. оставалось только играть, читать и через силу бродить по окрестностям, чем и занималась наиболее активная часть эвакуированных. телефоны тут не работали, интернета, как и новостей, не было. максимум, что удавалось узнать о ситуации, были новости от угрюмых, усталых солдат, ретранслировавших официальные сводки от своего начальства, да и скудные новости от новых переселенцев, не сообщавших по сути ничего нового, кроме как о и так понятных продолжении дождей, росте наводнения и прибытии эвакуируемого населения.

жизнь стала однообразной, комарино-кусачей, мокрой и потной, несмотря на обещания в скором времени поставить пару бань из свежесрубленного добровольцами местного леса.

тут бы и надо сказать, как голь на выдумки хитра, как голодные и вонючие люди находят способы выкрутиться из ситуации.

все началось с того, как народ начал осваивать террито-

рию. кто в безнадежных попытках собирать грибы в сыром лесу, кто — в поисках ближайших водоемов для искупаться и помыться.

на второй неделе пребывания рост пьяного мужского населения усилился. местные офицеры, понятно, ожидали, что привезенные с собой запасы водки будут опустошены в 2—3 дня, но творилось что-то странное. вечерние базары на повышенных тонах, выяснения отношений начинали волновать большую часть женской половины лагеря. это действительно было странно. никто не мог понять, откуда берется пойло, потому что взяться ему было неоткуда.

и, тем не менее, статистика ошеломляла.

потом по лагерю пошли слухи, что кто-то нашел волшебное озеро неподалеку, и что там происходят крепкие мужские возлияния, причем в массовом, групповом порядке.

через пару дней версия подтвердилась. вместе с тревожными сообщениями об исчезновении людей.

по палаткам и игровым местам начали ходить люди в погонах, вынюхивая и задавая наводящие вопросы.

народ не кололся. и даже те, кого находили на раскладушках в беспамятстве жесткого угара, все, что могли рассказать, так это про купание в пруду и про веселые посиделки у костра.

начальство не на шутку обеспокоилось. начали принимать меры по ограничению территории и по графику покидания лагеря. но это, как понятно, никого не остановило.

однажды вечером мой сосед по раскладушке нашептал мне приглашение присоединиться.

наутро, еще до завтрака он, умываясь водой из канистры, снова задал мне вопрос, не хочу ли я посетить волшебное озеро.

я оглянулся по сторонам, убеждаясь, что моя половина далеко и не слышит, а, заодно, и его мадам тоже. я кивнул, а он, заговорщически мне улыбнувшись, кивнул в сторону, чтобы мы после завтрака были готовы пройти в неизвестном направлении. все, что нужно было взять с собой, кроме сапог, были плавки и полотенце. при желании, закусь. закуси, понятно, не было. хорошо, что ее не потребовали в виде дополнительной платы на мероприятие.

Волшебное озеро оказалось каскадом разлившихся прудов за тремя полосами колючей проволоки, натянутой по наклонившимся бетонным столбам с запрещающими и предупреждающими табличками в часе ходьбы от лагеря. Внимание сразу привлекал оранжевый цвет воды и несколько утопающих в поднявшейся воде, торчащих из бетонных кубов труб, впадающих в водоем.

По берегам сновали несколько человек с баграми. Некоторые из них будто дежурили посреди водоема на надувных, защитного цвета, лодках. Горели несколько костров, у которых грелись шатающиеся мужики. С десятков плавали на мелкоте или стояли по грудку, сверкая безумными, вращающимися в неадекватных глазах.

Я спросил у соседа, как оказалось, подполковника в отставке, дяди Васи, как его прозывали, здороваясь, шедшие навстречу люди, что это.

Он кратко, отмахнувшись, рассказал мне, что это потаенные места, что тут местные когда-то видели, и не раз, НЛО, и что это сточные водоемы от местных совершенно секретных предприятий. При этом он добавил, что все вполне проверено, безопасно, что сюда берут и пускают только своих, и что я могу, если буду вести себя правильно, получить массу интересных ощущений.

– Каким образом? – спросил я.

– Увидишь, – он отказался от дальнейших подробностей.

все волшебство заключалось в простом. никто не знал достоверно, что это за сток, что тут за предприятия, и откуда эти трубы, сколько этому озеру, в какие советские времена тут что было построено и прочее, но эффект был стопроцентный. ты заходишь в оранжевую воду, пребываешь там несколько минут и чувствуешь, как...

далее описать люди затруднялись, путались в показаниях и объяснениях. все, что надо было сделать, – это попробовать самому. главное, самое главное, по объяснению самых трезвых, было оставаться на виду, не нырять и не заплывать на глубину.

те, кто нарушают эти предписания, с холодной улыбкой сказал мне один из державших багор, – лежат там, в третьем по каскаду водоеме или закопан в свежей земле ниже

по склону.

я сразу понял, где нужно искать исчезнувших из лагеря, и опасливо покосился на дядю Васю. он понял мой взгляд и просто сказал: «давай, не пожалеешь».

мне было страшно, боязливо и волнительно, и даже хотелось скорее отсюда уйти, но интерес превысил страхи, и я начал раздеваться. уже перед спуском к озеру я почувствовал легкое (или даже не легкое) головокружение, но меня подтолкнули в правильном направлении, и я, зайдя по колено в теплую воду, сделал несколько шагов, нащупывая уходящее глиняное дно, поплыл.

никогда еще я не видел так отчетливо солнечную систему и пятна на нашей доброй и теплой звезде. я явно видел кольца Сатурна, мог разглядеть камешки на поясе астероидов, определенно видел весту и поток леонидов, переливающихся в солнечном свете, пролетающих прямо перед моим взором. я видел гейзеры на Европе или каком-то спутнике Юпитера, я долетел до следующей планеты за Плутоном, мгновенно вернувшись обратно, погревшись на орбите Меркурия, чуть не вдохнув серной кислоты облаков Венеры, желавших забраться мне в легкие и рассказать об истории всех цивилизаций, живших на ней и еще на четырех ближайших планетах...

когда я обнаружил себя, сидящим, укрытым вагонным шерстяным одеялом, смотрящим в яркие угли костра и дер-

жащим что-то сочное, горячее и неимоверно вкусное, возможно, дичь, пойманную и зажаренную свежайшим образом прямо тут, впиваясь в жирный, брызжущий сок плоти то ли зайца, то ли оленя, я вернулся к реальности, медленно приходя в этот мир и оглядываясь по сторонам.

вокруг костра сидели дядя Вася и еще с десятков человек, а между ним и мной еще кто-то, кого я не стал бы человеком называть, кто говорил, его слушали и понимали, не обращая внимания на его серо-зеленую кожу, огромные глаза и непонятный язык, доходивший в самые глубины мозга в виде образов, схем и правил, объясняющий жизнь в других мирах, систему существования на нашей планете и смысл великого мироздания.

кто-то бережно укутал меня, положив поближе к теплу угляй, и я, пару раз испытав вертолеты, вернулся к земному, такому привычному и естественному сну, который не испытывал уже многие годы. там было много цветного, доброго, яркого, мудрого и такого понятного, спокойного и успокаивающего, как объятия мамы в детстве, как ощущение тепла груди любимой женщины, усиленные в сотни раз благодатью и спокойствием, волнами то приходящих и кружащих по спирали, то притормаживающих в необычайном спокойствии сингулярной бесконечности пребывания в абсолютной реальности высшего бытия...

Дядя Вася что-то спокойно объяснял моей почему-то эмо-

ционально кричащей жене. Я стоял рядом и кивал. Кажется, она меня искала. кажется, она волновалась и не находила себе места. кажется, я такой-сякой, о чем она собиралась рассказать коменданту лагеря. Но все это было так далеко и неважно, что я просто шагнул к ней, обнял ее сбоку и склонил лицо, сильно и шумно вдохнув воздух у ее плеча и шеи. Я был новый. Обновленный. Разумный. Такой чужой и такой Свой в этом мире, с этой женщиной, с этим бытием и с таким замечательным дядей Васей, жужжащим ничего не значащими комарами вокруг моей раскладушки в таком теплом ангаре под таким чистым и теплым, умиротворяющим грязно-мокрым бельем.

Я провалился в небытие сна.

И снова я где-то был, где-то гулял и где-то летал. Мир был радужным, блистающим и переливающимся, полным поыва-тоыкобтоыотмдлоуцекфавй...

несколько дней меня пасла моя верная. потом контроль ослаб, и мы снова пошли туда.

на третий раз я увидел сквозь рыжину воды, как подо мной находится и движется что-то серебристое, круглое и испускающее свет. я не испугался, просто отплыл, как по чьей-то просьбе, и тут из воды вышла метров десять в диаметре, летающая тарелка. она поблагодарила меня мысленно, пару раз сверкнула огнями, и медленно, совершенно сухая и светящаяся, поплыла в воздухе над каскадом прудов в сторону какого-то, не сообщив мне название, яркого со-

звездия, исчезнув за считанные секунды, не оставив от себя никаких выхлопных газов.

еще несколько раз я ходил туда, уже без дяди Васи, но всегда меня инструктировали местные ребята с баграми. не заплывай далеко. не ныряй. не... и все такое.

как-то даже мне пришлось поучаствовать в вылавливании ушедшего под воду молодого сержанта, пустившегося с разбегу руками и головой вперед. мы выловили его не сразу, пришлось вызывать лодку. мы сделали все, что могли. искусственное дыхание, массаж грудной клетки, рот-в-рот не помогли. он светился кожей с зеленоватым оттенком и улыбался в забытьи, пока совсем не перестал дышать и остыл. мы оттащили его тело на третий по каскаду пруд, куда складировали подобных ему неудачников. впечатление было не из приятных. кого-то вытошнило. запыхавшись, подошел дядя Вася, и сказал, что, похоже, аттракцион закрывается, и шарашку придется на время прикрыть. иначе сюда придет спецназ прочесывать каждый метр. исчезновения штатных военных, – это уже серьезно. В этот момент мне показалось, как голова дяди Васи увеличивается в размерах, будто он гидроцефал с многолетним стажем, и что его глаза-блюдца пронизывают всех каким-то рентгеном насквозь, не предвещая ничего хорошего.

за несколько дней до возвращения из эвакуации дождь закончился. небо было ясным и безоблачным. ночью того вечера мы пошли с моей половинкой в лес. была яркая полная

луна. куда-то пропал весь гнус и комары, дул теплый, пахнувший свежим воздухом, ветер. я отчетливо помню ее солено-сладкий, такой родной и близкий запах. я был неимоверно тверд и полон. она была мокрая, горячая и сладкая. я наполнил ее в тишине колышущихся сосен, а она крепко обнимала меня, постанывая сквозь крик от вселенского вождения.

после наводнения мы продали квартиру и переехали к ее родственникам в Воронеж. несмотря на опасения и запреты врачей, она родила мальчика.

мне нравится с ним. иногда мне кажется, что его взгляд полон пронизывающей энергии. когда я кормлю его из бутылочки, он смотрит на меня, и мне становится не по себе от этого ясного и полного мудрости взгляда синих глазенок.

через пару лет события того наводнения ушли в далекое прошлое. мы живем хорошо. я работаю на атомной станции. она сидит с ребенком. возможно, нас скоро переселят из-за добычи никелевой руды, но я не против.

особенно потому, что малыш нарисовал оранжевым карандашом какой-то водоем, раскрасил серебряным какой-то сигаро- или тарелко-образный предмет, отправляющийся к далекой пятиконечной звезде, и прошептал мне на ухо, что дядя Вася оттуда передает мне привет.

О спасении

я вышел покурить на лестничную клетку. было холодно, зима в самом разгаре. и неожиданно столкнулся с этим человеком. я мог почувствовать его бомжовский запах еще у лифта, но не придал этому значения, и открыл дверь пожарной лестницы.

да. там был он. сидел на картонке. думал о чем-то своем. в его взгляде перемешались беспокойство, напряжение, капля надежды и подкатывающая агрессия в готовности дать грубый отпор.

я достал пачку, закурил, посмотрел на него и предложил сигарету. молча.

было неприятно, даже противно, но сегодня у меня был интересный разговор с хорошим знакомым о милосердии, о том, как надо поступать с такими людьми, разговаривать ли с ними, гнать ли, вызывать участкового за проникновение в подъезд, давать ли деньги, которые с большой вероятностью будут пущены на выпивку... мне было не по себе, потому что я увидел в этой цепочке событий какой-то знак. мы молча выкурили по одной. он ничего не просил. я не задавал вопросов.

но через пару минут я вернулся с пластиковым стаканчиком водки, и молча протянул ему с вопросительным выражением лица. он посмотрел на стакан. и так же молча принял

его от меня, припав парой больших глотков к живительной согревающей влаге, оставляя полстакана на еще.

когда он крякнул и выдохнул, занюхав рукавом грязной куртки, мы выкурили еще по одной.

к нему вернулось выражение жизни, заблестели глаза, и я начал разговор.

мне было сложно начать с великих и отталкивающих тем, я долго выбирал, о чем спросить это человекоподобное существо. однажды мы встретились взглядом, и мне стало страшно от черной глубины его бездонных глаз, и я больше не смотрел туда.

он рассказал мне о том, что зашел погреться, что его выгнали с соседнего подъезда, пригрозив расправой, а когда я вынул из кармана бутылку, отхлебнул хороший глоток, и направил на стакан, он подставил, сказал спасибо, и мы продолжили.

быстро захмелев, он стал намного разговорчивей, хотя продолжал с опаской оглядываться на любой шорох и звуки лифта и шагов за дверью.

да, ему есть где жить, нет, он сам так решил, да, у него проблемы в семье, нет, он ушел сам, да, это уже довольно долго, нет, ничего, он привык...

он сделал паузу, глядя на мой карман с бутылкой, я налил, он выпил, и мы продолжили.

да, когда-то он был человек, у него была интересная работа, он считался талантливым, нет, так просто сложилось,

да, гори оно все огнем, нет, он больше не вернется...

мне очень хотелось спросить его о корне проблемы, о том, почему и зачем. видит ли он выход, перспективы и верит ли в шанс.

мне еще больше хотелось спросить у него, понимает ли он, что выход всегда есть, что всегда есть варианты, что можно что-то сделать и что-то изменить.

но приближаясь к этим темам, несмотря на аккуратность в обращении, он напрягался, замыкался и только намекал взглядом, что надо бы еще...

было странно и бессмысленно хотеть спрашивать его о смене трактовок, о переоценке ценностей, о том, что можно предпринять, мне так хотелось все это ему выложить как карты на гадальном столике, но я чувствовал, что это будет как-то не так.

его жизненный опыт, как оказалось, был на порядок длиннее, больше и серьезней моего, и я постеснялся начать разговор о спасении, о стрижке, ванной, переодевании, поиске работы и поиске нового пути.

мы раздавили ноль пять, выкурили полпачки, и я ушел.

а на следующее утро, выходя из подъезда, увидел стоящие перед дверью машины милиции и скорой помощи, куда мощные санитары запихивали тяжелый пластиково-матерчатый пакет.

мне не хотелось связываться и расспрашивать, но что-то кольнуло в животе, я догадался, по ком звонит колокол.

мы больше не виделись, и я не могу гарантировать, что это был он, его тело в мешке, меня быстро оставило чувство причастности к алкогольному отравлению-убийству.

я просто иногда возвращаюсь к тому вечеру и думаю о незадаанных вопросах, непредложенных вариантах и о невоплощенных действиях.

моя истеричная и больная на голову подруга опять орет на меня и не дает написать этот текст до конца. три этажа вверх и три вниз давно уже знают мою историю, и перестали вызывать участкового, чтобы поговорил с ней и со мной о скандальном поведении хотя бы в ночное время. я сейчас закрою компьютер, накину найденный на помойке у дома пуховик, и наберу у церкви на чикушку. и какое-то время все будет как-то хорошо. я забуду о тех самых вопросах. от меня отойдут на безопасное расстояние варианты и альтернативы, возможности и шансы на спасение и на изменение. меня опять выставят из теплого храма крепкие ребята, верящие в нашего единого бога, спасителя и все такое. и я снова проскочу, сказав, что живу в этом подъезде, с доброй старушкой в какой-нибудь теплый подъезд.

и люди будут проходить мимо по ступенькам, перешагивая через меня, они не будут задавать вопросов, предлагать сигарет и тем более выпить.

а я и не стану просить.

мне так спокойней.

мне так удобней.

я не знаю, не чувствую и не верю, что все будет хорошо.
я уже не в том возрасте и не с тем опытом.

мне не надо рассказывать душещипательных историй про спасение.

мне бы еще сто грамм, и все пучком.

да, да, уже иду, уже иду, прекрати орать, да сколько можно?!

закрываю.

выключаю.

сохраняю.

отправляю.

кому? куда?

вам.

ВАМ.

и поступайте как знаете.

Бог вам судья, а я ничего, я как-нибудь протяну, у меня тоже было светлое прошлое, я тоже талант, я тоже мог бы, и не лезьте ко мне с предложениями и беседами. дайте просто посидеть на картонке. есть закурить? – не спрашивайте, просто дайте. есть налить? – так наливайте. есть деньги? – нет проблем, я возьму, кто бы вы ни были, ведь на чикушку по-любому наскребем.

сейчас, еще пару слов. я снова открыл компьютер, пока она ушла голосить и плакать в ванную.

цените ваше время, вашу жизнь, ваши возможности и ва-

ши шансы.

и да любите друг друга.

а я пойду искать того, кто начнет со мной разговор, может, нальет, может, даст закурить, и кого я не буду винить, если проблуюсь до смерти кровью от алкогольного отравления в каком-нибудь теплом подъезде, где живут такие же приличные люди как вы, и каким когда-то был я.

только не говорите со мной о спасении.

пошли вы все нахрен!

сохранить. отправить. закрыть.

Третий шар

Этой ночью он видел странный сон. Он несколько раз просыпался, смотрел в окно, и сон испарялся как дым. Потом он снова засыпал, и видел то же самое. Многосерийные сны приходили к нему не часто. И этот был такой же. Засыпаешь, и снова видишь все то же самое с продолжением. Какие-то шары-ежики с колючками, которые он катает в своих ладонях, с надписями на каждом, лежащие на деревянной полочке. Непонятные события, яркие и сменяющие одно другое, и снова эти мячики, которые он берет с полки, катает, что-то видит, развивается какой-то сценарий, потом кладет шар на полочку, просыпается, засыпает, и снова берет в руки новую колючую сферу с надписью, видит новую историю, возвращает шар назад и просыпается. Сон долго и медленно таял, когда он окончательно открыл глаза, пытаясь удержать в памяти яркие истории. Но через полчаса все испарилось, оставив лишь поверхностные намеки от воспоминаний.

Он прошел мимо нее, о чем-то задумавшись. Сначала он ее вообще не заметил. Дул сильный ветер, какой бывает в метро из тоннеля. Его обдал едва уловимый запах перегара. Такое бывает в метро, и он, не придавая этому значения, сделал еще несколько шагов. Развернулся, чтобы посмотреть на часы в другом конце перрона.

Она не выделялась из толпы. Обычная джинсовая юбка. Обычные балетки. Обычные коричневые волосы ниже плеч. Обычные очки, придерживающие длинную челку.

Но взгляд, поначалу быстро скользнувший по ней, почему-то притянуло снова.

В ней что-то было не так.

Необычная худоба. Сморщенные ободки кожи над коленками. Неестественно темные круги под глазами, которые, скорее всего, она обычно прячет под большими темными стеклами очков. Синяк на ноге. Еще один. Красные стопы, возможно, от нарушенного кровообращения. Бледность на лице. Неуверенные движения рук, выдающие тремор...

Она стояла, делая вид, что никого и ничего не замечает, в то же время чувствуя на себе неуютные скользящие взгляды, что усиливало ее дискомфорт и резкие ломаные движения рук.

Ничего и никогда не вызывало такой нежности и такого желания помочь, согреть, обнять и сказать что-то ободряющее. Вся ее неловкость, вся жалость, казалось, кричала на десятки метров вокруг. Но она оставалась в молчании, продолжая нервно двигать в разные стороны опущенными большими глазами.

То ли это была подсветка на станции, то ли его фантазия, но порой вокруг нее появлялось едва уловимое сияние. Оно еле дрожало, возможно, в такт ее холодным пальцам. В ней что-то неимоверно притягивало..

И тут он понял: Это же девушка моей мечты!

Не было никаких сомнений.

Да, это она, она сейчас нуждается в моем тепле, моем добром слове. Это я смогу снять с нее жуткий ореол болезненного похмелья. Я. И никто другой. Только сейчас. Прямо сейчас.

Действовать, – единственная мысль мелькнула у меня в голове.

Тут подошел поезд, они вошли в разные вагоны, и все закончилось.

Сон второй.

Он думал об этой девушке. Она запала ему в память. И неожиданно появилась во сне. Сон был сумбурный. Какие-то грузчики в каком-то магазине таскают какие-то пивные бутылки. Они неаккуратно их кантуют, часто впопыхах стукая днищем одних о пробки других. Потом он видит погнувшиеся пробки и пару шипящих бутылок, которым повредили герметичность. Мерчандайзер двигает их в конец полки в торговом зале. Покупатели берут их, дотягиваясь в глубину, смотрят, встряхивают, слышат шипение и снова задвигают подальше. Проходит время. Меняется сцена. И вот, почему-то в сон приходит она. Темные мешки под глазами. Возможно, похмельное утро. Она берет бутылку, не обращая внимания на срок годности и на поврежденную пробку. Бутылка едет по залу в корзине для покупок. Пара

месяцев окисления сделали ее отравленной убийцей. В процессе воздействия открытого воздуха постепенно расплодилось всякая дрянь, сделав содержимое не только горьким, но и полным слизистого налета, радостно ожидавшего возможности свести желудок счастливого обладателя и расплодиться морем бактерий в кишечнике. Она подходит к касе...

Он и она в непонятном помещении. Вокруг горят свечи. Темнота кроется по стенам и по углам. Танцующие тени. Он снимает с полки шар, катает его между ладоней, чувствует легкое покалывание. Поворачивается к ней, думая, что она тут делает, потом забывает эту мысль, и видит, как она принимает из его рук шар с иголками, на котором написано что-то, что он не может разобрать. Она улыбается ему. И почему-то сильно сжимает шар в правой руке. Всплывает часть надписи: избежать.. (далее неразборчиво).

Следующая сцена без него. То есть он все видит, но его там нет. Девушка открывает бутылку, и, запрокинув голову, льет себе в рот отравленный напиток, делает несколько глотков, давится, кашляет, наклоняется с искореженным лицом. Все меняется, и вот они уже в скорой, которая, включив сирену, мчится к реанимации. Девушка лежит на носилках. Ее глаза на позеленевшем лице неподвижно смотрят вверх.

Та поездка в метро была полна отвратительных воспоминаний. Ей наговорили кучу гадостей. К ней относились

как к телу. Она отбивалась, и ей пришлось закричать, чтобы на компанию в парке отдыха, севшей на пластиковые стулья под тентом кафе, обратили внимание. Ребята были нетрезвые. Их развезло от жары, и это придавало им сил и уверенности. Они оценивали ее как новую легкую жертву, которую нужно было еще немного напоить, и они могли бы увезти ее на такси, зажать в углу и сделать все, что хочется. Что-то внутри подсказывало ей о растущей опасности. Эти типы, с которыми она познакомилась, поедая мороженое после аттракционов, ей не понравились, но делать было совершенно нечего, она скучала, а они так шутили и проявляли внимание, что ей пришлось пойти с ними. Решение отвязаться от них пришло, когда шутки и настойчивые поглаживания под столом, сальные намеки и взгляды на ее коленки, стали невыносимы. Она что-то громко сказала, люди обернулись на нетрезвую компанию, она резко встала, и развернувшись, пошла к выходу, пользуясь паузой, когда они зависли от неожиданного проявления «нет» и внимания окружающих.

Она вошла в свой подъезд с пакетом из магазина, и, не заходя в квартиру, вышла на лестничную клетку, достав сигареты и только что купленную бутылку. Прикуривая, она стала ее открывать, и, совершенно неожиданно, когда у нее заклепилась глаз от поднимавшегося от сигареты дыма, она выронила бутылку. Ей показалось, что в ее руке что-то кольнуло, и поэтому кисть с бутылкой разжалась, будто в стра-

хе схватить нечто опасное, круглое, покрытое острыми иглами. С шипением и треском разлетелись осколки, жидкость растеклась коричнево-желтой лужей по полу, обрызгав стену и ее щиколотки. Пару секунд она смотрела на это, сообщая что дальше и сожалея о потраченных 50 рублях. Потом сквозь запах никотина уловила тошнотворные испарения от лужи, выругалась, бросила бычок на ступеньки, и пошла домой.

Они оказались в одной очереди на прием. Напротив друг друга. Подпирая стены, дожидаясь вызова. Она привлекала внимание своей особенной статью. Она ни разу никому не посмотрела в глаза. В грудь, в живот, в обувь, но не в глаза. Когда он начинал пристально и часто поглядывать в ее сторону, ее взгляд не только шел в дверь и в стену, он еще как-то постепенно становился исподлобья. В этом была какая-то сплошная замкнутость. Смотреть было некуда. Книжка, что он держал в руках, становилась все скучней. Он отрывался, вглядываясь в ее сторону все чаще. Сначала реакция выражалась в ее нахмуренности. Потом в смотреии по сторонам. Хорошенькая. С милым гармоничным макияжем и прической каре. С едва заметной полосочкой под глазным мешком, выражающим регулярную компенсацию алкоголем молчаливости, замкнутости и необщительности.

Через какое-то время он поймал ее взгляд у себя на кисти, удерживающей книгу. Потом – на плече. Поняв, что он пы-

тается перехватить и притянуть ее взгляд, она отвела глаза в сторону.

Она зевнула вслед за ним. Кто-то пошутил в очереди, она приоткрыла намек на живость, глазами увлажнив готовность улыбаться. Лицо оставалось беспристрастным.

Он стал ее разглядывать чаще, пытаясь вызывать на встречный взгляд, но она была упорна.

Через какое-то время носок ее ступни смотрел в его сторону. Поворот тонкой шеи, голова, глаза – вбок. Одна рука, державшая сумочку на плече, и другая, – образовывали намертво закрытую позу. Когда ей нужно было повернуть голову в другую сторону, проводя глазами по нему, она опускала подбородок, смотрела в пол и на ноги.

Он покачался, разминаясь от долгого стояния. Через несколько секунд она уставилась в стену рядом с его головой. Он посмотрел на нее в упор, она ему в грудь, потом в сторону.

Он тайком стал замечать, что она разглядывает его, когда он отвлекается, но тут же резко уводит взгляд в другом направлении, когда замечает, что он снова поворачивается к ней.

Ни слова. Ни ответа на вопросы подходящих к двери. Только закрытая поза в сторону. И покой. Напряженный, это видно, покой. Сдержанный.

В действительности, она очень живая, – подумал он, только сильно закрытая, интересно было бы раскатать, расшеве-

лить ее, хотя бы встретиться с ней глазами и посмотреть туда, пару минут в этот закрытый и таинственный мир.

Она даже конфету-сосалку доставала медленно, скромно, потупившись, и клала ее в рот ненароком. Едва приоткрыв ротик, туда, не касаясь губами и зубами, и снова смотря вниз.

Она наконец заговорила. В очереди возникло возмущение, и она наконец сказала первую за все время фразу. «Долго», — с выдохом и движением плечами.

Ну наконец-то. Попалась. Нашелся какой-то повод, пошел вопрос, комментарии, смешки и движение. Переглядки на реакцию. И она стрельнула в него, а он принял. Был готов. И вот они, черные бездонные, бесконечные, блестящие, всепоглощающие. Она быстро посмеялась легким горловым, кинестетическим смехом. Секунду. И снова оделась в маску.

Он стал смотреть совсем пристально. Она терпела. Потом отвернулась.

У нее потрясающе получалось подолгу находиться в одной позе. Глотала она тихо, тайком, тайно, скромно.

Потом наступила ее очередь, и связь между ними оборвалась.

Сон третий.

Он снова был в этой комнате. Снова нет окон. Темный полумрак. Старая деревянная мебель. Свечи на столе. Полка с колючими шарами. Мысли не шевелились. Он просто созерцал обстановку. Потом все изменилось, и его перенесло

в следующую реальность.

Теперь он наблюдал кровавую сцену какой-то аварии. Смятый капот. Разбитое лобовое стекло. Шокированное лицо бледной девушки, сидящей неподвижно за рулем, пристегнутой ремнем безопасности. Осколки на асфальте. Растекшиеся жидкости. Труп старушки, отброшенный на несколько метров в стороне. Ее туфли, валяющиеся один под багажником, другой в стороне. Ощущение страха и безвозвратно изменившихся судеб. Толпа наблюдателей. Мигающие маячки скорой и полиции. Носилки с покрывалом для лежащих останков. Гидравлический консервный нож спасателей для вызволения девушки из авто.

Теперь он снова в темной комнате, снимает следующий шар. Но сейчас в комнате еще кто-то есть. Он сначала видит это по второй тени на стене, а потом – самого человека. Это молодая девушка с прической каре. Она стоит, плотно обняв себя руками под грудью. Похоже, она не понимает где она, и что с ней. Освещенное лицо полно ужаса. Она не хочет брать из его рук протянутый предмет с надписью. Он старается улыбнуться ей, и снова показывает жестом, что это нужно взять. Он чувствует, что должен любой ценой передать ей предмет. Какое-то время длится пауза, он напрягает мысли, и они расцепляют ее закрытую позу. Она протягивает обе ладони, и принимает в них шар.

Она ехала по широкому проспекту. Был прекрасный яр-

кий день. Солнце под углом светило в салон, слепя глаза и разогревая торпеду и кисти рук, спокойно лежавшие на руле. Машин было немного. Она наслаждалась скоростью, радуясь отсутствию будничных пробок на этой дороге. Впереди, в ее ряду, ехала большая бетономешалка, странным образом совершая обгон по третьему ряду. Скоро большой перекресток. Грузовик, закончив маневр, начал перестраиваться в среднюю полосу. Скорость была приличная. Пришло время принимать решение о продолжении движения или остановке у перекрестка перед светофором. Как на зло, большая махина загрозила зеленый сигнал. Что теперь? – подумала она, – Успею, или тормозить? Внезапно, ее ошарашил маневр Камаза.

Боевая бабулька нетерпеливо ждала свой зеленый. Она слышала в новостях об ужесточении правил, и о том, что пешеход на переходе всегда прав. Счетчик напротив отсчитывал назад красные секунды. 02, 01, 00, загорелся зеленый. «Пешеход всегда прав», – подумала она, и смело зашагала по белой зебре. Ей совершенно было все равно на водителей, они должны соблюдать правила. Мне зеленый, так что вперед! Водитель бетономешалки, занятый перестроением из ряда в ряд и наблюдением в правое зеркало за дистанцией за легковушками, в последний момент увидел загоревшийся желтый. Инерция была колоссальная, и тормозов не хватало, чтобы остановиться. Он решил проскочить пустой перекресток, пока встречные на поворот не начали движение.

И тут волосы на его голове зашевелились. Прямо перед ним, на свой зеленый смело шагала боевая бабулька с тележкой, и не думающая посмотреть по сторонам. Принимать решение времени не было. Он выбрал единственно возможный вариант. Не сбавляя скорости, он резко перестроился в левый, третий ряд, и с грохотом пронесся в сужающемся пространстве между встречкой и безумной бабкой. Ее обдало ветром пронесшейся махины, она прокричала что-то вслед, размахивая кулаком с зажатой палочкой.

Покалывание в ладонях, – вот что она чувствовала сейчас, проехав по стоп-линии, завизжав резиной по асфальту. Перед ее взглядом желтый переключился на красный, и она увидела, как из-за огромного Камаза появилась кричащая и размахивающая престарелая мадам с сумкой-тележкой. На секунду у нее похолодело в животе, и откуда-то из глубин сознания всплыл вчерашний сон, где какой-то средневековый мудрец в темной комнате при свечах передал ей колючий шар с неведомой надписью. Ее прошиб пот, и она задышала, часто и напряженно. Она избежала страшной аварии.

Сон четвертый.

В ту ночь ему снился всякий бред. Он ворочался. Часто просыпался. Снова тревожно погружался в сон, и снова просыпался. Под утро, когда за окном начали краснеть и желтеть облака, он забылся. И черное небытие накрыло его на пару часов. Прозвонил будильник. Со стоном он открыл

глаза, повернулся, не глядя нажал на «отбой», лег на другой бок, и попытался снова заснуть. На этот раз он опять был в темной комнате со свечами. Это выглядело как старинная лаборатория алхимика. На столе лежали разбросанные бумаги, исписанные латынью, вразнобой стояли круглые и цилиндрические стеклянные колбы. У стен расположились деревянные ящики и сундуки с пустыми стекляшками и торчащей соломой. В шкафу стояли банки с формалином и непонятными пожелтевшими существами. И снова эта полка с шарами, покрытыми пупырышками в форме конусов, зазубренные к окончанию. Точнее, в этот раз, на полке был только один шар. Надпись на нем была расплывчатая. Больше в помещении никого не было. Стояла тишина, лишь потрескивали дрожащие свечи, оплывшие воском. Он пригляделся к бумагам, но ничего не мог в них понять. Текст, который он пытался зафиксировать в памяти, сменялся новым, как будто листы выдавали новые надписи, схемы и картинки, сделанные от руки с каллиграфическими пометками. Его взгляд вернулся к полке. Все так же лежал один шар. Надпись на нем плыла и дрожала как свет свечей. Ему захотелось протянуть руку и взять оставшийся круглый предмет, но, будто он был духом из другого параллельного мира, ему никак не удавалось его ухватить. Рука проходила сквозь. Новые попытки ни к чему не привели. Он сосредоточился, полный желания на этот раз взять предмет с полки, и в момент, когда его кисть практически ухватилась, начался новый сон.

Он летел в каком-то темном туннеле вниз. Ощущение полета более походило на ускоряющееся падение. Его несло все дальше и все быстрее туда, вниз. Стали разборчиво видны стены и стремительно приближающееся дно. Он постарался сгруппироваться перед ударом, и тут, от дернувшихся ног, рук и импульса в напрягшемся животе, он проснулся.

– Ты ничтожество! Ты мразь! – она гневно вращала глазами и, брызгая слюной, кричала на него со всей силы. – Я потратила на тебя столько лет своей жизни! А ты, сволочь, ты все превратил в прах. Я ненавижу тебя.

Он попытался что-то сказать, но она еще больше повысила голос, срывая связки, чтобы услышали соседи, понимая, что до него уже не докричатся.

Он стоя выслушивал ее оскорбления, понимая, что это невыносимо, что это продолжается регулярно, и каждый раз ее вопли становятся все громче, а оскорбления все агрессивней.

– Я ненавижу тебя, твоих проклятых родственников, которые воспитали тебя таким уродом! Я ненавижу, что поддалась тогда на твои слова о будущем и о нашем счастье. Ты испортил мне жизнь, лучшие годы я потратила впустую на то, чтобы изменить нашу жизнь, но ты профессионально и цинично, всеми силами, убиваешь этот мир и все вокруг себя. Урод! Как же я всех вас ненавижу. Она взяла со стола массажный резиновый шар с колючками, и запустила со всей си-

лы ему в голову.

В последнее время истерики стали чаще и интенсивней. Изученная им система, что стоит лишь потерпеть 45 минут, а потом все стихает, дала сбой.

Попытка поговорить по душам, рассказать ей, что его волнует, обернулась полным провалом.

Грязные вопли неслись на него, часть отваливалась, ударившись в него, но некоторые проходили сквозь слух, он чувствовал их не только ушами, но и кожей, и это било сильно и жестко, учащая сердцебиение и ломая накопленные правила и систему ценностей. Ощущение, что что-то внутри рушится и разваливается, было осязаемым.

Он понял, что больше этого не выдержит.

Ее вопли резонировали по всему телу, разносились по стенам, отражались от предметов, и снова ударялись в него.

Развернувшись, он выдохнул, повернулся к ней спиной. Она продолжала что-то кидать вслед. Он дошел до двери, повернул замок, вышел, закрыл поскорее дверь ключом, чтобы не выплеснуть из квартиры ее эмоциональный крик, подошел к лифту, достал пачку сигарет, и нажал кнопку вызова.

Курить в лифте не хотелось. Ожидание недовольства соседей, которые могли зайти на нижних этажах, оставило его с не зажженной сигаретой в зубах. Открылись двери лифта, и он шагнул вперед. Всем весом наступив на пол, он услышал и ощутил хруст опоры, и, как в замедленной съемке увидел, что его нога проваливается вниз. Пытаясь удержаться,

он раскрыл руки, но схватиться было не за что. Он больно ударился челюстью о треснувший пол, и, на секунду застряв в отверстии, начал падать в темную шахту. Он летел, видя перед собой канаты и кабели, ощущая соленый привкус прикушенного языка. Вниз. Все быстрее и быстрее мелькали перед ним технические детали, и приближалось дно.

Он не хотел кричать.

Он просто смотрел и думал.

Хотелось вспомнить жизнь, хотелось закурить, хотелось что-то сделать...

Но было ясно, что он не успеет ни того, и другого.

На дне шахты лифта лежало неестественно скрюченное человеческое тело. Из приоткрытого рта текла струйка крови.

Сверху летела неприкуренная сигарета, которую несколько секунд назад сжимало в зубах недвижимое тело несостоявшегося волшебника.

Пупырчатый шар для массажа прокатился вдоль стены и замер.

Она прилетела

У всякого безумия есть своя логика (Шекспир)

– Привет! Я скоро приеду! Ты представляешь, уже скоро, уже скоро, – она наспех говорила в трубку, пытаясь донести свою радость и свое ощущение предвкушения долгожданной встречи.

Он ее слышал. Молчал. И улыбался сам себе, прижимая плечом сотовый к уху.

Она продолжала что-то говорить, ее мысли обгоняли слова, прыгали с темы на тему, но это было совсем не важно. Ведь она скоро приедет. И они скоро увидятся.

Эта долгая разлука им обоим жутко надоела. Последние дни, несмотря на занятость, они стали переписываться чаще, и даже звонить друг другу, чего не делали поначалу.

Предвкушение встречи придавало какое-то спокойствие, уверенность, радость. Делало его сильнее, выше, стройнее. Ему надоело одиночество. Он сам этому удивлялся, но это было именно так. Чувство свободы и независимости – замечательное чувство, но со временем начинаешь понимать, что это не должно продолжаться всю жизнь. Становится пусто, пресно, неинтересно и иногда невыносимо. Пустота перестает приносить удовлетворение. Самостоятельность надоедает.

– Что? – переспросил он, поняв, что задумался и пропу-

стил ее вопрос.

– Я спрашиваю, ты меня встретишь? – и она еще раз сказала время рейса.

В ее словах звучала тайная надежда, которую она старалась скрыть, но от возбуждения не могла. Было понятно, что он сильно занят, и что шансов на встречу в аэропорту мало, но почему бы не спросить, – а вдруг повезет?

– Прости, я буду занят, к сожалению эту встречу нельзя перенести, – они оба почувствовали досаду. Она – потому что не повезло, он – потому что всегда испытывал неловкость, отказывая ей.

Она продолжала еще о чем-то радостно тараторить в трубку, и о том как там здорово, и как она соскучилась, и как ей хочется остаться, но она так счастлива снова увидеться.

Он молча слушал и продолжал улыбаться. Досада быстро рассосалась, они поняли, что это не та ситуация, из-за которой стоит спорить или огорчаться. В его голове уже крутились другие мысли, связанные с новым проектом, – так часто бывало в общении с ней. Он мало воспринимал ее слова, научившись фильтровать только интонацию или особо важные слова, по которым требовалась его реакция. Он мог слушать ее часами, потом не помня ни слова, но это было и не важно: ведь за ее потоком слов было что-то гораздо более ценное и информативное, ее эмоции, ее правда, ее настоящее, ее жизнь. Эти ощущения стоили гораздо больше, чем все слова

на свете.

Сказать что он был одинок, – неправда. Он никогда не был одинок. Его всегда окружали интересные люди. Будь то по бизнесу, будь по общественной работе, – где угодно. Ему никогда не было скучно. Всегда находились дела, важные, нужные, интересные. Даже когда подкатывало одиночество и становилось лениво, он вставал, отжимался или прыгал, и шел что-то делать. Это помогало. Особенно когда в наушниках звучало что-то приятное, позитивное, полезное или воодушевляющее. Во время стирки, во время загрузки тарелок в посудомойку, когда шумел пылесос, – всегда находилась возможность придумать что-то полезное. И это придавало ему сил. Это уносило одиночество и скуку прочь. Быстро и эффективно.

Когда он встретил ее, это не было похоже на удар молнии. Это не было взрывом миллиона бомб. Скорее, это было как появление долгожданного солнца в темный, серый день, когда вдруг расходятся тучи, появляется яркий теплый свет, лучи на столе и на полу, а наверху открывается голубое-голубое небо. Такое же голубое и бесконечное как ее глаза. Она просто подошла к нему, как многие после его выступления, окружив его с вопросами и комментариями. Но этот взгляд, первый и сильный, остался у него в памяти навсегда. Щелк! И вот оно. Засветилось...

Первая рюмка водки.

Он никогда не понимал, что их связывало. В этом было что-то очень сильно странное. Наверное, потому, что такого никогда не было. Когда ему было хорошо, она говорила, что ей тоже. Когда он тупил, с ней происходило то же самое. Когда он грустил, они не могли разговаривать, потому что ее ответная грусть не давала никакой возможности. Это было как резонанс, как взаимное усиление. Как телепатия чувств, мгновенная и сильная. С яркой обратной связью. Ему все равно было, о чем она говорит, он часто отключался от восприятия этой информации и просто наслаждался теплом ее руки, растворялся в ее глазах, пребывая в этом непонятном взаимопонимании и одновременности, и одинаковости чувств... Он давно забросил рационально думать в ее присутствии (за исключением тех моментов, когда это было действительно нужно). Он несколько раз старательно анализировал их общие интересы, но это было безрезультатно. Да и ни к чему, – так он решил. Не со всеми и не во всем нужно стараться докапываться до рационального смысла. Иногда просто стоит наслаждаться жизнью, творческим полетом, и радостью быть рядом, даже ничего не думая и ничего не говоря.

Вторая рюмка водки.

Она прилетела. Она была усталая после долгого перелета и смены часовых поясов. В ее голосе была спокойная радость, но из-за навалившейся тяжести после долгой дороги, она была немногословной, ее речь была медленной и тихой. Они говорили о радости скорой встречи, о перелете, о всякой ерунде. Такое бывает, когда внутри хочется петь и кричать, но физическое состояние уже не дает возможности это донести, кроме как мысленно и через что-то неуловимое между строк.

Третья рюмка водки.

Я тебя люблю. Он сказал это спокойно. Это было впервые за все время их знакомства. Она на мгновение замолчала, а потом продолжила о чем-то сумбурно говорить, наверное, пытаясь сдержать шок от неожиданности, и заговаривая словами нахлынувшие чувства. Возможно, она предполагала это как-то по-другому. Вероятно, она в своих мечтах видела это иначе. Поэтому, оказавшись не готовой к такому повороту, просто не стала продолжать тему, а наговорила еще всякой всячины, и они попрощались. Оба находясь в непонятном полу-шоке, каждый молча уставившись перед собой с телефоном в руке, глядя перед собой куда-то вдаль.

Очередная рюмка водки.

Мы больше никогда не увидимся. Непонятно, кто это сказал, когда и как. Они говорили по телефону? Пока он спал? Это было наяву, или ему приснилось?

Не исключено, что это придумал он сам. А может быть и сказал. Ему давно была известна ее позиция по поводу выпивки. Только позиция. Он не спрашивал почему, что ей в этом не нравится, не лез в детали, просто знал и все. Но что сегодня произошло, почему все это случилось, он не мог понять. Это осталось какой-то секретной тайной: как водка появилась в рюмке, почему, что он для этого сделал и как. В чем была мотивация, в чем тот внутренний конфликт, который проявился опять в алкогольной движухе, пляске, круговороте, головокружении и желании отрубиться. Были ли это их отношения, или накопившееся напряжение за дни непростой работы, что-то еще, – никто не знает и не узнает уже. Да и какая разница. Дело сделано. Да и черт с этим всем. С этими отношениями, с его и ее независимостью, серьезностью, резонансом эмоций и молчанием в трубку.

Пиво.

Что было дальше, – как обычно. Закружившийся хоровод чувств, эмоций, мыслей, движение и головокружение, активность и подавленность, открытость и отсутствие тормозов, – все это нахлынуло и накрыло. Он что-то делал,

что-то кому-то писал, отвечал на их письма, с кем-то решал какие-то вопросы по телефону. Потом было что-то еще. Серое небо. Горячий чай. Мокрый снег. Громкая музыка. Слова, мысли, письма, какие-то действия. Активность-активность-активность... Последнее, что он помнил, — это как падает на подушку и на лету отправляется в хмельной темно-серый сон.

Он вздрогнул. В дверь кто-то позвонил...

Перед входом

Глава 1. Перед входом

Кто там будет? Что за люди? Я же никого не знаю. Ничего, разберемся.

Глава 2. Вход

Всем привет! Как дела? О, спасибо, что представили меня. Кто они? Кто эти люди. ОК, просто надо прислушаться, познакомиться и включиться.

Глава 3. Первый бокал вина

А что, интересные люди. Я молодец, что умею задавать вопросы и делать так, чтобы людям было интересно отвечать о себе и о том, что им интересно. Круто. Играем дальше.

Глава 4. Третий бокал вина

Очень милые люди. Как здорово, что я пришел. С ними интересно. Особенно, когда нащупаешь взаимно интересную тему.

Глава 5. Вторая бутылка вина

Упс! Выхлоп игристого должен быть похож на выдох. Еще бокал? Она сказала мне да и улыбнулась. Какая милая девушка.

Глава 6. Следующий бокал

– Ты заметил, что у вас много общего интереса, и вы как будто на одной волне? Я люблю анализировать пары. Кажется, вы очень неплохо дополняете друг друга.

Глава 7. Следующая бутылка вина

Она улыбается мне? Мы часто встречаемся глазами? Круто. В ней действительно что-то есть. Интересно, она случайно закусывает нижнюю губу, заглядывая мне тайком из-под бровей. Какие у нее мягкие губы. У нее красивые блестящие зубы. Как я раньше не замечал этой манящей влаги ее сладкого рта?

Глава 8. А здесь прикольно. Вам налить еще?

Кажется, что мы в каком-то взаимном поле. Люди вокруг что-то говорят, а мы на одной волне, и нам совсем не нужно говорить, мы общаемся совсем без слов. Нас укутывает какое-то сияние.

Глава 9. Как она прекрасна

Как она прекрасна в этом свете луны. Кажется, она улыбается во сне. В ней есть что-то от ребенка. Так и хочется ее укрыть, не потревожив ее нежный сон.

Глава 10. Минералка

Что это за солома у нее на голове? Блин, неужели нельзя было умыться? Эта размазанная тушь под глазами... Что, поцелуй? Нет, уж, спасибо, давайте вы, мадам, сначала почистите зубки. Это так было сложно повесить платье? Что это за скомканные тряпки на полу?

Глава 11. Ну ты скоро?

Ну и бас! Куда пропал этот милый, манящий вчера голос? Хм... Как медленно тянется время. А, я еще должен вызывать такси? Когда же оно в конце концов приедет? Да, да, ладно я заварю еще кофе, ОК.

Глава 12. Да

Да, хорошо, я заберу ребенка из школы. Нет проблем. Блииин, у меня когда-нибудь будет время на мои желания? Сколько еще можно мной манипулировать...

Глава 13. Нет

Нет, все-таки она такая чудесная. Как мне нравится ее сиплый басок по утрам. Исполнять для нее желания, – в этом какая-то магия. И пусть я не живу больше для себя, это не так уж и важно. Когда запускаешь пальцы в ее прямые волосы, когда нечаянно сталкиваешься с ней зубами, больно прижав губу, – нет ли лучшего состояния покоя? Нет, конечно, пусть разбрасывает вещи. Для нее можно и порядок навести. Ведь у нее такая красивая душа. В ней какая-то магия. Когда кажется, что уже все, нет, так невозможно, она включается какой-то новой частью себя, и все сомнения растворяются в миг. Неужели я все еще так сильно ее люблю?

Джейн

*(Рассказ написан как упражнение, заданное
Стивеном Кингом)*

Глава 1

– Реально, ты не поверишь, насколько он урод, – Джейн подлила себе кофе из стеклянной чаши, стоящей на горячей кофеварке.

– Но ведь вы прожили вместе столько лет..., – Алиса недоверчиво хмыкнула.

– Это ничего не значит. Урод и все. Но, слава Богу, это окончено.

Они давно не встречались, хотя и были закадычными подругами. Закадычными, насколько женщины могут быть подругами.

Тесная кухня Алисы пропиталась стойким запахом сигарет, и сизый дым висел полосами, плавающими под светом люстры на пружинке.

– И что ты собираешься делать теперь, после того, как развод окончательно оформили? – Алиса выдохнула вверх дым свежеприкуренной сигареты.

– Не знаю. Надо отдохнуть. – Джейн быстро проглотила

кофе, еще раз затянулась. — У тебя есть что-нибудь на примете? Не хочется с детьми ехать далеко, это накладно, да и хлопотно.

— Не знаю, дай мне подумать. Что-то не приходит ничего на ум. Думаю, тебе подойдет вариант просто свалить за город и снять на недельку дом.

— Наверное..., — Джейн подняла глаза, задумчиво посмотрела на люстру, быстро пробегая по бюджету и хлопотам такого варианта. — Да, пожалуй...

Они еще подлили коньяку в кофе, звонко чокнулись кружками. Как в старые студенческие годы.

Именно тогда, в университете, они познакомились с Диком. Это была очередная вечеринка в бесконечной череде тусовок. Музыка. Выпивка. Танцы. Пьяный угар. Головная боль. И пошлые шуточки через пару дней о том, как все было весело. Дик был на два года старше, и учился на факультете права. Он был подтянутый, спортивный, с самовлюбленным уверенным взглядом. Он знал себе цену, потому что часто был окружен взглядами поклонниц с младших курсов. И неспроста. От него просто исходило состояние уверенности и спокойной сексуальности. Он не был похож на слащавых парней, он держался как-то взрослее, более зрело. И это дополнительно привлекало к нему девушек.

Как получилось, что они поженились? Это было уже после выпуска. Они не звали много гостей, все было как-то спокойно. Просто разослали приглашения самым близким дру-

зьям, а потом улетели подальше, отдыхать от всех на острове, проводить медовый месяц.

Их брак не был образцовым. Не был безумным. Там не было бешеной страсти, которая довольно быстро прошла. Не было частых конфликтов. Они просто жили вместе, встречаясь по вечерам усталые с работы, а потом наспех разбегаясь с утра. Когда родился ребенок, и у нее начался послеродовой синдром, Дик стал приходить домой еще позже. Порой под хмельком. Он не спорил, не кричал в ответ на ее истерики. И как-то оно шло дальше своим чередом.

– Еще будешь? – Алиса взялась за бутылку, вопросительно посмотрев на Джейн.

– Давай...

Алкоголь пару раз булькнул в кружки. Алиса подлила еще кофе и вытряхнула наполнившуюся пепельницу в мусор.

Когда Джейн узнала о второй беременности, их отношения уже были около нуля. Но она решила оставить ребенка, хотя и понимала, что все заботы лягут на нее. Она подозревала, что Дик ходит налево. Ее женское чутье подсказывало, что это так.

После рождения девочки Дик окончательно замкнулся в себе, и посвящал себя работе, шумным встречам с друзьями, возможно не всегда в чисто мужской компании.

В один ноябрьский вечер после очередной истерики, которая имела скорее выхлопное значение для ее перманентного чувства гормональной несправедливости, к состоянию

обида она привыкла давно, так вот, она опять визжала и выкрикивала, не обращая внимания на плач детей, – она покидала какие-то вещи в спортивную сумку, вручила ее мужу, и вытолкала его за дверь, не дав даже переодеться.

Она мало представляла себе, как будет жить дальше, но слово «развод» в ее мыслях уже стало привычным, поэтому она и поставила эту точку.

Через пару недель она подала на развод, и спустя месяц их бессмысленный и давно мертвый брак был расторгнут.

На суде ее поразило только одно: его попытки забрать детей. Это ее бесило больше всего.

И только вечером после суда она смогла высказать Алисе все, что думала об этом, о нем и о его мерзком характере.

– Ты ОК, если я переночую сегодня у тебя?

Алиса думала не больше секунды.

– Валяй. Только мне завтра на работу, так что...

– Нет проблем. Я тебя не напрягу, – Джейн опустила плечи, проехав локтями по кухонному столу, опустив голову над кружкой, вдыхая аромат. Потом она закашлялась и потянулась к пачке.

Глава 2

– Все супер, я договорилась для тебя, – голос Алисы звучал в трубке.

– Что такое? – Джейн суетливо застегивала куртку сына, пытаясь плечом удерживать телефон, она повернула глаза в сторону, чтобы лучше слышать.

– Ну, ты помнишь.. Я договорилась. Ты спрашивала про загородный дом, помнишь? Все ОК, есть вариант. Так что с тебя причитается.

Джейн не сразу включилась, о чем идет речь, а потом подмигнула ребенку: супер, мы едем отдохнуть.

– А папа поедет с нами? – наивный вопрос ребенка взбесил ее, она дернула молнию куртки, чуть не прикусив ему подбородок.

– Пошел гулять! – резко прикрикнула она, шлепнув его для скорости. – Я тебе перезвоню, Алиса, прости, я сейчас немного занята.

– Я слышу, бай, только не тяни с этим, вроде как отличный вариант, – Алиса положила трубку.

Джейн закрыла дверь за вышедшим понуро малышом, постаралась смягчить тон, сказала какие-то напутствия, где и как ему гулять.

Снова зазвонил телефон.

– Это я, – представился Дик.

– Ну.

– Что ну?

– Чего тебе еще надо?

– Я хочу повидаться с детьми, – его спокойный голос снова начал ее бесить.

– Отвали. – Джейн почувствовала, что начинает дрожать. – Все, что нам от тебя нужно, – это чтобы ты платил детям алименты. Я знаю про твои левые контракты, – попыталась усилить напор, – так что ты смотри, а то я натравлю на тебя кого надо, уверена, ты не хочешь опять таскаться по судам.

– Опять ты включила эту шарманку, ну успокойся. Я задал тебе простой вопрос про детей. Чего ты опять завелась? Нет у меня никаких контрактов, – начал осторожно оправдываться он.

– Ага, и про баб твоих я все знаю, старый кобель. Вот иди к ним, и гуляй с их ублюдками, – Джейн уже кипела, особенно от того, что этот его спокойный тон добивал окончательно.

Она хлопнула телефоном.

Через минуту снова раздался его звонок.

– Пожалуйста, не бросай трубку. Я понимаю твое состояние, и...

Он не успел договорить. Она его перебила, выплеснув криком обиду и нецензурную брань. И снова закрыла телефон.

Сбросив еще пару настойчивых звонков, она немного пришла в себя и ответила.

– Ну? Чего еще тебе надо?

– Послушай, Джейн, я не прошу ничего сложного. Я просто хочу увидеться с детьми.

– Ага, увидеться, а потом забрать их у меня. Ничего у тебя не выйдет. Иди к черту.

Она давно придумала, как отвадить его в таких ситуациях, особенно когда он приезжал и пытался встретить их на прогулке.

На этот раз он попадется в ловушку.

Так и случилось.

Заранее подготовленные представители опеки стали свидетелем разыгранной сцены с перетягиванием ребенка, криками и обвинениями. Они составили протокол, который Джейн отправила в суд на рассмотрение о неправомерном и неадекватном поведении папаши-алкоголика и бабника, пытающегося выкрасть ее детей при всем честном народе среди бела дня.

Глава 3

Суд был долгий. Но она победила. С гордостью волчицы она подхватила обоих детей, которых притащила на собрание, и которым взглядом и шипками давала понять, как надо себя вести, чтобы все было по плану.

Дик мало говорил. Его адвокат старался как мог, но выиграла она.

Спускаясь с детьми в лифте, она сквозь закрывающиеся двери видела его, понурого, ссутулившегося, выходявшего из зала, кивающего адвокату, старавшемуся подбодрить своего клиента надеждами на апелляцию и чем-то еще.

Ей было все равно. Он стал для нее пустым местом. Пусть катится ко всем чертям со своими бабами. Лишь бы только не забывал платить по счетам. И пусть он сменит этот свой запах. Сколько можно пользоваться тем флаконом, что она подарила ему на какую-то годовщину. «Виталис», кажется. Уж сменил жизнь, так мог бы удосужиться сменить и парфюм. Хотя, иди к черту.

Два месяца прошли без каких-либо знаков с его стороны. Исключением были два алиментных платежа. И полная тишина в эфире.

Ей даже удалось достать бумагу, по которой он не имел права приближаться к ним. В тот день она радостно позволила ему и сообщила, что теперь уж точно все, и он должен

от них отстать.

Прошел почти год с их развода. Снова наступила осень.

Они опять сидели на кухне у Алисы. На этот раз они делали коктейли. Снова курили. И снова обсасывали косточки этому уроду.

– Теперь он точно попал. Теперь все. Ему крышка. – глаза Джейн блестели от выпивки и от чувства превосходства. – Попался так попался.

– Не слишком ли ты..? – Алиса чувствовала агрессию и пыталась как-то сгладить, одновременно опасаясь и неохотно выражая понимание своей подруге. – Не слишком ли круто..?

– Нет.. Не слишком. Он нарвался. А я его предупреждала, – Джейн заводилась на глазах. – Посмотрим, как он теперь запоет, загремев по статье. Мерзкий козел.

Алиса не приветствовала жестких мер, особенно таких, когда людей лишали свободы. Но женская дружба требовала от нее роли понимающей и поддерживающей союзницы. По большому счету ей было все равно, но в душе она считала, что сажать Дика это реально перебор.

– Наливай еще, – Джейн явно завелась и хотела праздника.

– Ты бы не гнала так...

Джейн грозно сверкнула заблестевшими и захмелевшими глазами, но лишь повторила: «наливай, сегодня у нас праздник».

– Не знаю, каково ему там, но точно верю, что он этого заслужил, – Джейн прикурила новую сигарету. – За решеткой ему вправят мозги.

Алиса не хотела спорить. Ей казалось, что так подставлять пусть даже бывшего, – это как-то не по-человечески. Она в очередной раз слушала, как Джейн с упоением пересказывает историю с нарушением запрета суда на свидания, как ловко была устроена драка, как вовремя подоспела полиция, как его, не ожидавшего такого поворота событий, смятого и ссутулившегося сажают и отвозят в машине с мигалками. Как она обставила свидетельские показания на суде. И снова про то, какой он урод, проходимец, и как ему там будет весело.

– Ты хочешь снова съездить отдохнуть? – Алиса перевела разговор.

– ммм, да! – Джейн пару секунд возвращалась из мира своих фантазий, – да! Было бы супер, можешь мне еще раз организовать что-нибудь недалеко. Чтобы без лишних глаз, без соседей. Да, снова за город. У меня нет сил тащить двоих куда-то на юга. А так хочется сменить обстановку и хорошенько расслабиться... Ну, и развеяться тоже, – хитро посмотрела она на подругу и через соломинку громко высосала остатки новой порции коктейля.

Глава 4

Был холодный ноябрьский день. Порывы ветра срывали последние листья. Серое небо было низким. Черные ветки на фоне облаков становились еще темнее, когда их смачивал налетавший косой дождь. Дворники авто еще раз прошлись по стеклу, и Джейн выключила двигатель.

– Ну что, вылезайте! Приехали!

Задремавшие дети начали стали озираться по сторонам через стекла, поеживаясь от перспективы выходить из теплого салона на ветер.

– Хорошо, мам, – старший отсоединил ремень выбрался из кресла и стал помогать сестре.

– Выходите и идите к крыльцу, а я пока выну сумки.

Джейн шла по хрустящему мокрому гравию дорожки, ведущей к дому. Это был двухэтажный особняк с высокой покатой крышей. Рядом с домом росли высокие старые липы, которые в летнюю пору закрывали зеленой листвой вид из окон, а сейчас чуть ли не царапали лапами голых черных мокрых веток по стеклам и ставням. Сонные дети, убаюканные теплом машины, уже стояли на крыльце, сверкая теплыми розовыми щеками, зябко переминаясь в ожидании мамы, которая откроет им дверь.

Незнакомые замки, – это всегда морока. Пока их найдешь, пока убедишься, что ключ не подходит и попытаешься от-

крыть новым, — так всегда, когда приезжаешь на новое место. Наконец, Джейн открыла дверь и почувствовала запах моющих средств, которыми, похоже, вчера прибирали дом к их приезду. Дома было чисто и прохладно.

— Первым делом затопим камин, — сказала она, и ребята весело бросились исследовать незнакомую территорию.

Сумерки пришли быстро и незаметно. За окном едва угадывались черные качающиеся силуэты деревьев. Иногда еще можно было разглядеть разрыв между черными облаками.

Умаявшихся в дороге детей после ужина быстро сморило и они отправились спать. Несмотря на первую ночь в новом доме, они быстро заснули. Проверив, что с ними все в порядке, она поправила одеяла и, выключив свет, медленно прикрыла дверь в детской. Спускаясь на первый этаж, она старалась тише ступать по скрипнувшей на паре ступенек лестнице.

Стемнело окончательно. Джейн зажгла свет по всему холлу, на кухне, убрала посуду со стола в большую блестящую металлическую раковину, решив, что вымыть ее в посудомойке можно и завтра. Она устало опустилась в деревянное плетеное кухонное кресло. Потом поднялась, зажгла на плите газ и поставила чайник.

Было тихо. Но дети спали крепко, так что новости не должны были их разбудить. Она решила, что шум телевизора будет комфортней, чем эта пустота непривычного большого дома.

Чайник начал шуметь, и она прибавила громкость. Какие-то местные новости.

Ей опять пришлось встать, чтобы открыть дверцы полок в поисках травяного чая. Зачем она надела свисток, непонятно. Чайник начал увеличивать громкость, и она, рассыпав по столешнице разноцветные пакетики, потянулась, чтобы дернуть за свисток, одновременно другой рукой снимая чайник с огня. Это получилось как-то неловко, и она больно обожглась паром и маленькими каплями кипятка, попавшими из толстого носика ей на пальцы, держащие горячий свисток. Негромко выругавшись, она грохнула чайником, отбросив свисток, покотившийся по столу.

— ..трех сбежавших из местной тюрьмы преступников.., — не расслышала она от этого шума обрывок новости.

Джейн обернулась к экрану, удерживая на нем взгляд, руки шарили по скатерти в поисках пульта, чтобы сделать громче, но диктор перешел к новостям о погоде.

Глава 5

Травяной чай согрел и успокоил. Но этого было недостаточно. Джейн порылась в кухонных полках, и достала большую бутылку бурбона. Там же были стаканы для виски. Лед? К черту лед. Надо просто пойти проветриться. В одной руке на три пальца бурбона, в другой сигареты, она вышла на веранду, не до конца прикрыла входную дверь, прошла за угол дома, где устроилась среди подушек на качелях, стоявших под навесом. Подушки были холодные, но не сырые. Поглядывая на луну, появившуюся сквозь расступившиеся в безветрии облака, она обожгла язык первым глотком. Оттолкнувшись ногами, Джейн начала покачиваться, стараясь в движении поймать огоньком зажигалки кончик сигареты. Луна оказалась в сером тумане от смеси выдоха с дымом и паром. Поеживаясь, она замоталась в плед, сделала еще глоток, и откинулась на спинку. Нижняя половина лица то попадала в белую полосу лунного света, то скрывалась в тени навеса.

Зашуршал гравий, и все стихло.

Она прислушалась. Ничего. Мало ли тут бродит ночных животных типа диких кроликов. На всякий случай, она нагнулась, посмотрела за угол в сторону пятна от света на кухне, замерла на несколько секунд, и снова принялась тихо покачиваться, стряхивая пепел на деревянный крашеный сы-

рой от капель закончившегося дождя пол.

На какое-то время она задремала. Тепло от бурбона с чаем внутри и от пледа снаружи с мерным покачиванием убаюкали ее.

Она встрепенулась. Но было так же тихо. Иногда слышался звук капель, падающих с сырых деревьев. Луна светила, совсем не поменяв положение. Значит, я забылась не надолго, подумала Джейн.

Щелчком выбросив через перила в мокрую траву окурок, она допила последнее из остывшего стакана, скинула плед, подхватив его рукой, и направилась к крыльцу.

Подул влажный ветер. Зашуршала листва. Снова все стихло.

Джейн вошла в дом, закрыла дверь, два раза щелкнув замком. Положила плед на спинку кресла, чтобы он согрелся и подсох. Вздохнула, набрав теплого домашнего воздуха и шумно выдохнула. Двигаясь к кухне, она вдруг поняла, что среди запахов нового дома, есть что-то давно знакомое. Она резко обернулась. Все так же тихо работал телевизор, догорал камин, поигрывая тлеющими поленьями, горел свет, было тихо. «Виталис», мать твою. Гребаный «Виталис». Откуда он здесь?! Она еще раз прошла по холлу, несколько раз втягивая воздух, словно собака-ищейка, но повсюду был лишь запах дома с отголосками чистоты и едва уловимого лака для досок. Что за хрень? Она посмотрела на стакан в руке. Сунула нос в него, два раза понюхала, потом допила оставшиеся

несколько капель. Это ж надо так... Чушь. Какая чушь...

Джейн подошла к столешнице, налила глоток, махом выпила, и плюхнулась в плетеное кресло. Обвела взглядом холл, уставилась в телевизор, где снова шел короткий выпуск новостей. Нашарив на столе пульт, она сделала громче.

«..побег был совершен сегодня утром. Три преступника бежали. Благодаря действиям охраны, двое из них были убиты при попытке бежать, одному удалось скрыться. Полиция проводит операцию по поиску „Быстрый след“. По оценке представителей правопорядка поиски дадут результат в течение ближайших часов. Преступнику негде укрыться. Всем, кто видел или слышал что-то подозрительное, просьба сообщить по номеру редакции или по телефону полиции. К сожалению, мы пока не располагаем фото и именем беглеца. Но можем с уверенностью сказать, что его ждет суровое наказание за участие в убийстве охранника. После рекламы мы продолжим наш выпуск».

Джейн, оцепенев, сидела с открытым ртом.

В ее голове пульсировала одна мысль. Одно слово. Дик. Это Дик. Мать его, Дик. Я чувю, что это ты. Ох, как я это чувствую. Ну ничего, тебя поймают, и ты получишь свое, грязный ублюдок. Еще и охранника пришил, ну все, тебе точно конец.

Глава 6

Она еще раз медленно обвела взглядом холл.

Не стоит сегодня выключать свет.

Хотя, что это я?

Кто сказал, что это Дик?

Даже если это он, то он не знает, что мы уехали. Он не знает, где мы. Черт. Что это я так завелась? Ему до нас не добраться.

Ни одна живая душа не знает, где мы. Да.

Да, кроме Алисы.

Джейн посмотрела на настенные часы. Четверть первого ночи. Стоит ли ей позвонить сейчас?

Зачем?

Для успокоения. Просто. Чтобы узнать, что все в порядке.

Успокойся, Джейн.

К чему эта фигня. Во-первых, Алисы наверняка еще нет дома. Сотовый она не возьмет. Она его просто не услышит, в каком бы клубе сейчас не зависала. Для нее это обычное дело.

Да к тому же кто сказал, что это Дик. Кто сказал, что ему в этой ситуации нужно преследовать нас? Ему бы спасти свою задницу.

И кто решил, что это он.

У них нет имени, нет фотографии.

Наверняка, они бы предупредили, если что. Полиция бы нашла меня, и... Стоп. Полиция не знает где мы. Они не в курсе, что мы уехали. Только Алиса. А она сейчас во всю клубится. Так что нет причин для волнения.

Джейн почувствовала, что у нее похолодели пальцы и началась мелкая дрожь.

Хрень собачья.

Этого не может быть.

Все. Стоп. Нужно еще выпить. Надо согреться. Сейчас нальем, и перейдем к камину. А вообще уже пора спать. Хотя не хочется. Кстати, как там, на втором этаже? Наверное, дубняк? Я даже не проверила комнату, только поставила там сумки и все. Кажется, там была открыта форточка. Точно, дубняк.

Дети!

Что с детьми? Как там они?

Фух.

Ну что за фигня. Джейн. Возьми себя в руки. Чего ты завелась на пустом месте? Пойди и проверь, убедись, что с ними все в порядке.

Сейчас поднимешься по лестнице из холла на второй этаж, тихо откроешь дверь в детскую, почувствуешь как там тепло, поправишь детям одеяла, и спустишься вниз. Да. Лучше спать здесь, на диване напротив камина. Или в кресле. Просто сесть греться и уснуть. Можно включить большой телевизор, а можно почитать какую-нибудь скукотишу.

Все хорошо.

Откуда эти страхи?

Она вспомнила про дурацкую сцену с запахом Дика при входе.

Еще раз шумно и глубоко вдохнула носом воздух.

Какая чушь. К тому же, это мог быть запах кого-то из хозяев. Кто знает, может эти старперы тоже им пользуются? Надо будет проверить в ванной. Вот и все. Делов-то.

Ну ты и фантазерка, мать.

Она сказала себе еще что-то подбадривающее. Встала с кресла и направилась к лестнице.

Широкая лестница вела из холла первого этажа наверх. На втором этаже были детская, еще две спальни хозяев, комната-гардероб. Свет наверху не горел. Она и не зажигала его, спустившись вниз после того, как уложила детей. Поэтому под освещение попадала только лестница. Дальше была черная воронка, в которой серым угадывались элементы обстановки наверху.

Все нормально. Здесь ничего страшного. Просто на новом месте всегда так. Не надо будет потом гасить свет. И все ОК. Она стала медленно подниматься по лестнице, вспоминая, какие из ступеней скрипнули в прошлый раз.

Вдруг ее передернуло. Живот резко сжался. За ее спиной, на улице, что-то грохнуло. Она замерла и медленно обернулась. Темнота второго этажа теперь была сзади. Это ее стало напрягать, и мурашки пробежали по спине.

Сквозь занавески не было видно ничего за окнами, уличное освещение выключено.

Она заставила себя пробежать с лестницы, разминая сковывающую дрожь в ногах, так, чтобы темная раскрытая пасть второго этажа не смотрела ей в спину.

Ей было не по себе подойти к окнам, отодвинуть шторы и посмотреть в темноту за стеклом.

Джейн замерла, борясь с неприятным чувством подступающего страха и прислушиваясь.

Глава 7

– Ты знаешь, я всегда любила тебя, Дик. С первой нашей встречи в университете. С той вечеринки, где мы познакомились. Я сразу поняла, что ты мой мужчина, что ты должен быть моим. И что когда-нибудь, рано или поздно, ты будешь со мной. Я люблю тебя сейчас. И хочу, чтобы мы были вместе. Я так долго этого ждала. Мы не можем это просто закончить. Я приму тебя любым. Я принимала тебя все это время, ты знаешь. И мы будем вместе. Навсегда. Надолго. До конца. Ты веришь мне?

Глава 8

В конце концов Джейн набралась смелости. Она взяла себя в руки. Рассуждала она так. Дверь заперта. Черт его знает, что там за окном. По крайней мере, я в доме. И если что-то не так, у меня будет время понять, ведь никто не сможет сюда проникнуть тихо. Наверху дети. Я поднимусь к ним. В их комнате тепло. Лягу прямо с ними. И им спокойней. И мне. Я не буду гасить свет внизу. И наверху. Кроме детской. И запру ее изнутри. Если детям нужно выйти, догадаются меня разбудить.

И все-таки, что это грохнуло там? Черт меня дернул приехать в этот жуткий дом. Черт меня дернул включить эти дурацкие новости. Не буду больше слушать Алису, – снимать дом вдали от города, где на сотни ярдов ни души, где никто не спасет, если что случится. Всё, с детьми только куда-нибудь, гделюдно и все под контролем. Где мне не придется работать охранником, и где не страшно выходить ночью за дверь. Алиса, Алиса, сама сейчас развлекается, черт бы ее побрал. И все-таки, может, стоит ей позвонить?

Джейн заняла место в кресле у камина, повернув его боком к огню, спинкой к стене, так чтобы на виду были холл, окна, входная дверь, кухня и лестница в темноту второго этажа. Она достала сотовый и стала набирать Алису на домашнем. Как она и предполагала, дома ее не было. По крайней

мере, никто не снял трубку.

Джейн сбросила вызов и стала набирать подруге на сотовый.

Ей стало не по себе, когда показалось, что знакомый звонок вдруг стал доноситься, продолжаясь несколько секунд, потом все стихло.

Леденящий холод и страх растеклись по ее жилам, заставив замереть, подняв ноги в кресло.

Зрачки Джейн расширились. Она смотрела по сторонам широко открытыми глазами, не в силах пошевелиться.

Она чувствовала, что должно случиться что-то очень плохое.

Глава 9

– Ты веришь мне? Пойми, я пошла на это ради нас. Ради наших с тобой отношений. Я ждала тебя и терпела все эти годы твою истеричную бывшую. Видит Бог, сколько она высосала мне крови, и сколько мне пришлось потратить нервов, чтобы не выцарапать ей глаза и не вырвать язык, ее ядовитый язык, которым она постоянно поливала тебя грязью. Но наконец-то мы сделаем это. Пришло время, и мы не должны допустить ошибки. Все продумано. Все будет по плану. Ты хочешь оставить детей, хорошо, но я хочу наших. Хочу, чтобы у нас был общий ребенок. И не один. Твои могут жить у твоей мамы, если хочешь, с нами. Я не против. Но я хочу, чтобы наконец-то это ожидание кончилось. Чтобы ты был моим. Ты узнаешь, я докажу тебе, что мы созданы друг для друга. Ты и так это мог понять по тем встречам, по тем ночам, что ты проводил со мной, рискуя и попадая под ее бешеные сцены. Но теперь все будет по-другому. Теперь случится то, что давно предназначено нам судьбой.

– И пусть все случилось не совсем так, пусть тебе пришлось пройти через этот кошмар, все равно. Этого уже не остановить. Ты видишь, я помогаю тебе. Видишь, мы вместе. Мы знаем, что нужно делать, и мы это сделаем.

Она замолчала на несколько секунд, дав ему подумать. Потом продолжила.

– Этот дом чистый. Я нашла его специально для нашего плана. Никто не знает, что именно я сняла его. Мы не оставим никаких следов, слышишь, милый. Мы все сделаем как нужно. И потом будем ты и я. Мы уедем. Или мы скроемся на время, пока не закончатся полицейские поиски. Уедем потом. Мы урегулируем вопрос. Это убийство охранника, – оно ведь не на тебе? Мы докажем. Мы объясним им, что ты бежал исключительно из страха, по инерции, ты не организатор побега, – ты просто испугался. Да? Мы скажем им, что ты невиновен. Мы докажем это, у нас хорошие связи, мы найдем адвоката. Ну что ты молчишь, Дик?

Алиса замолчала. Она смотрела на его профиль. Он был за рулем. Выглядел сосредоточенно и устало. В темноте дороги встречные машины иногда освещали его загорелое лицо, и оно становилось четким и бледным. Дик молчал, продолжая внимательно следить за мокрой дорогой.

Когда они приехали на место, они оставили машину и тихо шли пешком оставшуюся часть пути. Они старались не шуметь, хотя и понимали, что слышать их вокруг просто некому. Они наблюдали за домом, ожидая в импровизированной засаде. Сквозь высокие кусты был виден свет, проходивший сквозь шторы терраски. Вдруг у Алисы неожиданно и громко зазвонил телефон. В суматохе она доставала его, выдергивая рукой из тесного кармана. Не сбрасывая звонок, она отключила звук. В это время кусты зашевелились, и появился Дик, вернувшийся от дома. Она укоризненно посмот-

рела на него, показывая светящийся мобильный. Они встретились взглядами. Алиса кивнула, и они бесшумно, стараясь не шуршать по гравию, пошли в сторону дома.

Глава 10

– Когда уже вернется мама? Пап, ну скажи? – сын теребил Дика уже не первый раз за утро, чем вызывал раздражение у Алисы, но она не подавала виду.

– Она уехала к бабушке, милый, – Алиса взъерошила мягкие волосы на его голове, внимательно посмотрев на Дика, стоявшего к ним спиной у кухонного стола.

– Да, мама скоро вернется, не переживай. А пока мы проживем с тетей Алисой, – ответил он. – Ты ведь любишь тетю Алису?

Мальчик улыбнулся, подняв на нее печальный детский взгляд.

Через полчаса он и его сестра уже весело играли в снежки перед крыльцом, периодически оставляя круглые белые пятна на черной коре лип, растущих около дома, едва не царапающих своими большими ветками окна и ставни старого двухэтажного дома с большой покатой крышей.

Когда дети наигрались, они добежали до терраски, поднялись по ступенькам и плюхнулись в качели, громко смеясь, блестя розовыми щеками голубому морозному небу, яркому солнцу и белым облакам.

Хочу просыпаться рядом с тобой

в кабинете профессора было свежо. дышалось легко. окна выходили на тенистую по утрам часть двора, и оттуда легкий ветер колыхал занавеску. я полулежал на кушетке, наблюдая за волнами белой тонкой ткани, меняя фокус то вдаль, на ватные белые облака по раннему голубому небу, то снова на рисунок тюли.

ручка двери повернулась вниз, и в кабинет вошел он. как обычно, свежий и в рабочем пиджаке с заплатами на локтях.

мы поздоровались, он жестом попросил не вставать, прошел мимо к шкафу, согнув указательный палец, потянул на себя мое досье, затем уселся поудобней в большое кресло из темной кожи, положил ногу на ногу, полистал, и поднял на меня глаза, предлагая мне продолжать то, что я начал на прошлом сеансе.

выходя из кабинета, я улыбнулся ассистентке, которая, раскидав шупальцы по столу, делала сразу от четырех до восьми дел, глядя в монитор своим огромным циклопым взглядом, моргая длиннющими ресницами, которые она старательно из зеленого перекрашивала в черный. она очаровательно улыбнулась мне во всю присоску, я поклонился, взял ветровку и зонт, и вышел в коридор.

на душе, как обычно после сеанса, было легко и спокойно.

я шел к стоянке. свой светоплан я поставил подальше, чтобы насладиться небольшой прогулкой. пурпурная трава колыхалась под легкими наплывами бодрящего ветерка. на горизонте всеми оттенками серого появилась радуга, и я поставил лицо под щекоотящие лучи цианового солнца, подняв голову к зеленеющему небосводу.

светоплан мирно зарокотал, и я выехал на шоссе, направляясь против пробки домой. лосиный бульон, недопитый с утра, сохранил тепло в термосе, я сделал пару глотков, заглушая начинающийся к ланчу голод. автопилот нес меня над ручьями и болотами. местами начинали цвести поляны черного вереска, бутоны кое-где приоткрылись, и жадно хватали мелкую пролетавшую над ними живность.

в принципе, доктор прав. не все так уж и плохо, как кажется. и все зависит от моего отношения. его легко исправить, поменяв видение ситуации. ну, нельзя по-другому, значит, можно временно так...

только одна мысль плавала по сознанию, поднимаясь и опускаясь по полю рассудка: нельзя ли уже сейчас начать что-то предпринимать?

профессор обещает, что через пару сеансов мы до этого дойдем, а сейчас нужно научиться работать с самообладанием. но уже так хочется, уже так неймется. «а я хочу просыпаться рядом с тобой!», – она продолжает это говорить, топая своей клешней, раздувая фиолетовый зоб до невероятных размеров. и никакие честные разговоры по душам не могут этого изменить. ну ничего, ничего, еще пара сеансов, и что-то изменится. а сейчас внутреннее спокойствие и работа с четырьмя уровнями сознания.

от этих мыслей, смешанных с воспоминанием от спокойного тона доктора, я улыбнулся и по-кошачьи зажмурился, глядя на ставшее сиреневым солнце.

есть одна главная проблема. когда ты просыпаешься утром, и хочешь тихо промочить горло, приходится ее будить, чтобы отцепить наручник. это посягательство на свободу передвижения, – самая главная загвоздка. остальное можно терпеть. даже когда она от желания не хочет выпускать меня из себя, продолжая гулять по улице, глядя сверху в глаза влюбленным взглядом, и я вынужден висеть под теплым брюхом, уворачиваясь от ударов мохнатых сочленений, это не так уж страшно. подумаешь, повисишь, помотришь по сторонам, в конце концов, не надо топтать на своих двоих. но эти утренние обнимашки, пока тебя не отцепили, – это, конечно, достает.

– Да, именно так, – сказал профессор.

– Действительно, уже после следующего сеанса? – повторил я.

– Абсолютно, – подтвердил он. – Уже через неделю вы будете готовы к действиям по изменению ситуации. А пока прошу вас расслабиться, закрыть глаза и сфокусироваться на внутреннем состоянии. Что вы чувствуете?

мне не хотелось закрывать глаза, особенно потому, что в этот раз кто-то сдвинул занавеску, и я мог наблюдать за распустившимся цветком розы на подоконнике, который так гармонично смотрелся на голубом фоне неба. долго смотреть не получалось, потому что на ярком фоне зелень куста превращалась в темный силуэт, но если поводить глазами по сторонам, цвета возвращались, и я снова радовался.

доктор подождал, когда от наблюдения за ярким светом мои веки сами отяжелеют, глаза сами собой закроются, и я начну говорить о находках из третьего уровня сознания, и о том, как я силой мысли работал с ними, меняя концепцию восприятия, преломляя сценарии того мира.

на этот раз эмоциональный подъем был еще выше. и я глубоко и расслабленно вдыхал желтый воздух, сидя на крыльце клиники. хотелось петь. но мимо меня проходили разные существа, и я решил не смущать их. тем более, бывает, что сюда заходят создания с несовместимой частотной системой

восприятия, и пение человека может заставить их корчиться в конвульсиях. а зачем я буду делать им плохо?

я не загадывал и даже не спрашивал, что будет после новых занятий. мне не хотелось пугать себя и выдумывать всякое. зачем, если все будет хорошо? ну да, возможно, придется пройти через неприятное, возможно, болезненное, но новая жизнь ведь стоит того...

когда профессор узнал, что я в больнице, он, не мешкая, приехал на следующий день. в его тоне чувствовалась некоторое смущение, возможно, он понимал, что несколько ответственен за произошедшее со мной. но я его уверил, что это не самое плохое, что могло произойти, и он поработал со мной на четвертом уровне, так что визуальные образы сверкающих перед моим лицом клыков, летающей пены и разбросанной по стенам и полам слюны стали приходить ко мне в редком тумане, и не вызывали ничего, кроме щекотания в зарастающих швах по телу.

я, кстати, очень благодарен ему, что он пришел ко мне в том же образе, как и в клинике. на какое-то время даже картинка за окном поменялась. я снова видел белые облачка на нежно голубом фоне, и солнце садилось в ласковом желтоватом закате.

через месяц я вышел из больницы. после этого мы про-

вели еще пару сеансов. я стал свободен. хотелось петь, танцевать, кричать от радости, и я проводил дни в прогулках на природе, по старинным кварталам города, в музеях, даже сходил на концерт классической музыки. и именно там я встретил ее.

она была прекрасна. не похожа ни на кого. ни на мое прошлое. ни на кого-то вокруг. ни даже не образы с обложек, по фантазии о которых умные маркетологи зарабатывают столько кредитов. с ней было хорошо. интересно. легко. волшебно. невероятно.

мы встречались и, не стесняясь, гуляли, держа друг друга в объятьях.

это было счастье.

через месяц у меня раздался звонок от ассистентки моего профессора, она пригласила на бесплатную встречу по закреплению результатов. я с удовольствием согласился.

и вот я снова лежу на кушетке.

возможно, роза давно отцвела, потому что в горшке на подоконнике стоял лишь зеленый куст.

сеанс проходил в необычное время, вечером, и солнце освещало кабинет, подбираясь рисунком из лучей на полу к кушетке, начиная теплом ласкать мои носки.

ветра не было.

поэтому духота заполнила кабинет.

я молча лежал, следя за проносящимися мыслями, думая,

о чем мы будем разговаривать.

наверное, о том, что я здоров. что я счастлив. что мне помогла терапия. что у меня теперь новые, прекрасные, ни на что не похожие отношения.

и, не исключено, я даже поведаю ему, как иногда, радуясь и уступая ее желанию просыпаться со мной, лежу, глядя в молочное ночное небо, слушая, как она шуршит, опутывая мои ноги и руки своей желтовато-зеленой паутиной и, в перерывах, набирая с шипением воздух всеми шестью дыхалами, басит мне колыбельную: «в комнате с видом на огниии... с верою в любоооофффь».

нет, у меня теперь нет проблем с тем, чтобы встать утром и попить, — мне лишь стоит только пошевелиться и слегка застонать, и она протягивает мне шланг, опущенный в поилку на прикроватной тумбочке.

Месть пингвина

– Что это?

– это киндер-сюрприз.

– нормально! ты даришь мне яйцо с сюрпризом?

– да, милый, это ведь так романтично?

– хм... гораздо романтичней было бы... хм.. ну ладно, ок, ценю твой юмор...

– ну и что там, в этом яйце? Расскажи, мне интересно...

– я не знаю, я еще не открывал.

– ну вот, ты испортил весь сюрприз.

– блиииин, ну ты что, серьезно? даришь мне какие-то яйца, и думаешь, что я, как ребенок, буду тут же срывать упаковку и радостно поедать шоколад? ну ок. сейчас вскрыю, подожди...

– не надо...

– что такое?

– я уже не хочу. ты испортил сюрприз.

– блиииин...

– все, пока...

– ну пока.

смс:

– ну что ты за человек такой...; (

– что еще?...;)
– посмотрел...;)
– нет. но сейчас открою...;)
– не надо; (
– ты меня замучила...;)
– ...; (
– пингвин;)))
– что «пингвин»? :0
– в яйце был пингвин. отличный сюрприз. спасибо, милая!;)

Что за хрень? Что за идиотизм? Взрослые люди. Кому нужны эти идиотские сюрпризы и прочее? Неужели нельзя придумать что-нибудь умное?

Какой же он козел на самом деле? Как будто нельзя просто порадоваться приятному подарку и поиграть в сюрприз, изобразив радость. Это же миииило... Козел. Они реально ничего не понимают в нежности и заботе. Думают о чем-то своем, и никогда не попадут на одну волну с женщиной. Ну что, неужели я что-то сделала опять не так? Нет. Просто это он не понимает. Не понимал, не понимает, и не будет понимать. Мужлан. Пиво и фотки в интернете, – это они понимают, а сделать подарок и посмеяться – это за гранью... Сколько это будет продолжаться? Ну как это можно изменить? Хоть головой об стенку бейся, они все равно думают

о своем. И чаще всего об одном... Козлы. Похотливые козлы. Любовь зла, полюбишь и козла. Может, мне покрасить волосы?

– Да! Да! Козел! Сволочь! Я верила тебе, а ты оказался таким уродом!!! Останови машину, я выйду!

– Успокойся...

– Я спокойна!!!

Рядом с глазом царапнуло, отразившись от лица и упав в ноги под сиденье ее кольцо, которое он подарил ей на какой-то праздник.

– Ты что творишь?

– Я сказала, останови машину, мерзавец!

– С ума сошла? Куда ты пойдешь посреди леса?

Похоже, царапина была до крови, камень был яркий и острый.

– Не твое дело! Я без тебя разберусь...

– Никуда ты не пойдешь... Успокойся, пожалуйста.

Он старался сохранять спокойствие в голосе, хотя его нестерпимо трясло от ее очередного истеричного приступа.

– Ну что я такого сказал?

– Ничего! Меня не волнует, что ты сказал! Я все поняла! Я потратила на тебя столько лет жизни, а ты как был козлом, так и остался!!!

Она на ходу попыталась открыть дверь, но ветер мешал ей.

– Успокойся, я сказал!

Он потянулся через нее, преодолевая сопротивление натянувшегося от неожиданно резкого движения ремня безопасности, и захлопнул дверь, полуоблокотившись на ее ногах.

– Не прикасайся ко мне! Я все равно уйду! И заberi свое кольцо! Ты мне не нужен! Ты не купишь меня своими побрякушками! Ты не вернешь мне лучшие годы жизни, которые я угробила на тебя, такого пустого и мерзкого типа.

Она продолжала визжать, сидя пристегнутой в пассажирском кресле его авто, летевшего по темной автостраде через зимний черный бесснежный лес.

Только спокойствие, думал он. Только спокойствие... Главная задача сейчас была ровно вести машину и держать наготове правую руку, во избежание ее ногтей, которые, как в прошлый раз, готовы были вцепиться ему в волосы и расцарапать лицо.

Ни слова, только ни слова. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Жестко и агрессивно.

Она часто дышала, но, казалось, постепенно успокаивалась, глядя перед собой в черное пространство за окном. Стихали одно за другим жесткие проклятья, исходящие из ее прокуренного рта, в свое время такого сладкого и сочного, подарившего столько минут волшебного счастья.

Она стала другой. Непонятно и неизвестно когда. Когда это случилось, и что произошло. Но она и он стали другими. И мало что могло им помочь вернуться в прошлое, пол-

ное страсти и взаимного желания. Какого черта он решил им дать еще шанс? Зачем он везет ее на дачу? Это мгновение слабости, когда он поддался, когда решил, что все еще можно вернуть, – сейчас казалось, что это был миг зла и влияния темных сил, желавших добить их расшатанные отношения, полные психа и истеричного безумия.

Машина пропустила под себя еще пару километров темной дороги. Скоро съезд. Ворота. И милый домик, который быстро прогреется на первом этаже от большого камина. Будет запах дерева от стен и поленьев от углей. Будет тлеющее тепло пламени, блуждающего по красно-черной поверхности прогорающих бревен.

Может быть теплая большая старая кровать. Может быть горячая баня. Холодное пиво и салаты из пластиковых упаковок из багажника. Может быть шашлык и печеная картошка.

Но, похоже, ничего этого не будет.

Или будет.

Неизвестно.

Хотя, скорее всего, будет что-то, чего не было, к чему все шло, приближаясь от скандала к скандалу, от визга к воплям, от кулаков к ногтям...

Ее сопение предвещало новую волну. Он знал это и чувствовал, наученный горьким опытом их отношений. Сейчас она успокоится, хотя это будет только внешняя часть, соберется, накопит сил для следующей сцены, и все повторится

в неведомом, оригинальном, никогда не повторяемом порыве.

– Сейчас мы приедем. Сейчас ты остановишься, и я уйду, – начала она.

– Пожалуйста, успокойся. Не создавай аварийных ситуаций. Я прошу тебя, – как можно спокойней сказал он, борясь с клочкотанием в груди.

– Срала я на твоё спокойствие и на аварийные ситуации!!! Чем спокойней он вел себя, тем больше разгоралась её ярость. словно кто-то дул на раскаленные тлеющие головешки в камине, раздувая жар, накопленный многими годами в сухой древесине.

В такие моменты лучше молчать. Но и молчание не всегда помогает. Царапина на щеке усиливала щипание. Возможно, красная полоска крови опухала на тонко срезанной нежной коже чуть выше щетины на щеке.

– Приехали. Все. Ты успокоилась?

Он отстегнул ремень, выходя из машины, держа наготове правую руку, в готовности защищаться от нового нападения.

Как и всегда, слова про успокоение, спокойствие, успокойся и тому подобное, сработали в усиление конфликта. Выпрыгнув из своей двери, захлопнув ее, он сквозь закрытый салон продолжал слышать новые, накопленные за последние минуты, гадкие слова в свой адрес. Они усилились

в разы, когда она открыла свою дверь и начала сливать энергию на весь безлюдный поселок. Ее никто не слышал, потому что соседи разъехались еще в середине осени, и это придавало бессильной злобы, потому что блестящим с неба звездам и темному лесу по окраине было все равно. Но ей было совсем не все равно, и ярость от отсутствия аудитории наполняла ее до хрипоты и надрывающихся связок.

Странной танцующей походкой, изображая пингвина, что было большой ошибкой, он подошел к калитке, открыл ее и, перешагивая через канавы и грядки, стал открывать ворота.

Она никуда не собиралась убегать, потому что тогда вся энергия нерастраченных чувств ушла бы в пустоту и в дрожание озябшего тела под легкой шубкой. Это было бы несправедливо и неоправданно. Такую ярость можно сливать только тогда, когда есть на кого. Полупьяный охранник поселка, дежуривший у шлагбаума, не в счет, он не поймет и не оценит, а когда еще кто-то остановится подобрать ее на дороге, — неизвестно, сколько пройдет времени, к тому же мало ли маньяков, уж лучше прямо здесь. Прямо по горячим следам. Пока не ушел момент. Пока есть силы и нескончаемая злоба. Все, все надо вылить, излить прямо тут, не думая про ущерб, потому что это его вина, и его ответственность, именно так. Лишь одно нужно не забыть: кольцо с бриллиантом, закатившееся куда-то под водительское сиденье. А дальше неважно. Дальше ничего страшного не будет. Он

будет спать на полу, на коврике. Утром она устроит еще одну сцену. Потом он повезет ее в город, и получит еще. Так получит, что хватит на несколько таких же уродов, как он. Он будет молчать, беситься, и злить от этого ее еще больше. И тогда она перестанет думать, отдавшись полностью своему не выразившемуся чувству, когда никто и ничего не волнует, когда нет страха, а есть только праведное наказание и исторжение недобитой несправедливости в груди. Ее трясло и корбило. Она терпеливо ждала, когда он откроет ворота и вернется к машине.

Вдалеке появилась темная фигура, приближающаяся нетвердой походкой к ней, к их машине. Судя по запаху перегара, доносившемуся за десятки метров, и силуэту в телогрейке, это был сторож, открывший им шлагбаум для въезда на территорию поселка. Как и раньше, он был движим единственной целью, разговорив визитеров, рассказать о своей собачьей жизни, получить на пол-литра или поживиться завезенными запасами, в которых никогда не обходится без алкоголя, который, как дань, дачники платят ему в надежде откупиться и остаться до утра в покое.

В одиночестве, в алкогольном бреду и в компании бродячих собак, прибившихся к его сторожке за куски колбасы и прочие объедки от подарков дачников, сторож походил на посланца иных миров. Это явно подтверждалось его несуразным бредом, ломаной речью и бессвязными прыжка-

ми мыслей, то жалобными, то одинокими, то горделивыми, то внезапно такими ясными, в надежде на понимание и сочувствие, пропитанное перегаром и болью от нереализованных фантазий прошлого.

Каждый шаг сторожа обладал магическим действием. Как волшебник, он усыплял чужую боль и негодование, снижая в квадратичной зависимости эти чувства, подменяя их на жалость к себе. Ворота открылись, за ними появилась уложенная большой плиткой колея и силуэты невысоких яблонь, касающихся голыми ветками недавно выстроенной беседки.

Ничего... Ты у меня еще дождешься.. Ты еще получишь. Ты ответишь за все.

Она не думала так, она не произносила эти слова ни вслух, ни про себя. Это было в биении ее сердца и растекающейся по замерзающим рукам и ногам кровеносным сосудам.

– Здравствуйте! Хорошо доехали? – слащаво и изо всех сил следя за дикцией произнес сторож.

Сцену пришлось отложить до более подходящего момента.

Она молча, не отвечая, подошла к водительской двери, зажегся свет в салоне, и она стала разглядывать коврик у педалей в поисках блестящего камня на золотом кольце. Возможность общения была предоставлена другой козлиной стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.